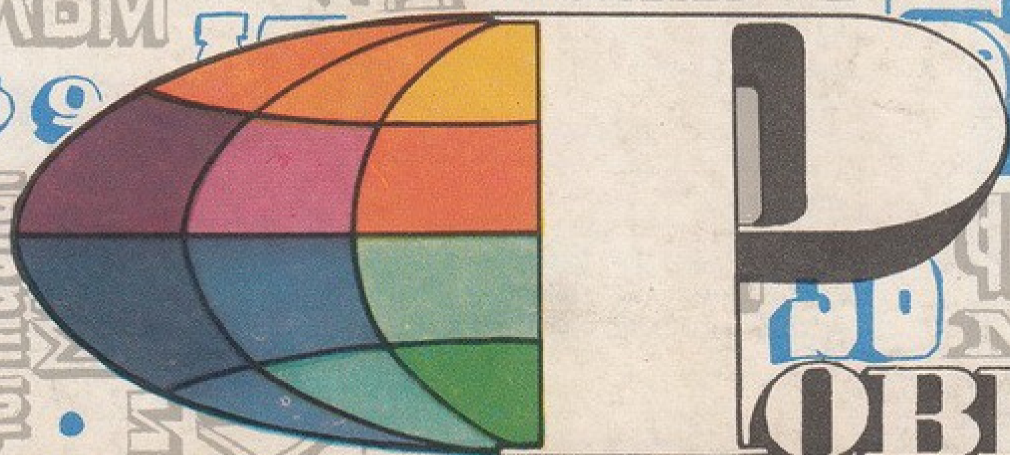
ХОККЕЙ

36 ЧЕМПИОНАТ МИРА

XXXVI

СТОКГОЛЬМ

1969

2/69

ХОККЕЙ

ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

ФЕВРАЛЬ № 2 (80) 1969 ГОД
ГОД ИЗДАНИЯ СЕДЬМОЙ

ЗНАКОМЬТЕСЬ, МАРИ-ЖОЭЛЬ

«Швейное дело — это то, что нужно вашей дочери», — утверждают рекламы предприятия в поселке Сесваль около Дуэ. В начале января 1966 года Мари-Жоэль устроилась туда работать. Ей было 14 лет. На брючной фабрике Дюэма в Анише трудилось около двухсот девушек — в основном дочери шахтеров. Мари-Жоэль стала ученицей. В час она зарабатывала около 50 сантимов. Мари пришивала к брюкам пояса и пуговицы. Восемьдесят поясов в час. Нельзя отвлекаться ни на секунду. Грубо понукали или увольняли за «беспорядки», если работница на несколько мгновений прерывала работу.

Разговаривать запрещалось... Десять минут было отпущено на то, чтобы проглотить пару бутербродов, не покидая рабочего места.

— Нужно беречь фигуру, — посмеивался хозяин.

Мари-Жоэль и ее подруги выезжали около пяти утра из поселка на велосипедах, чтобы попасть к шести часам в Аниш. Зимой и летом к шести утра...

Девушки решили создать профсоюз, несмотря на предупреждение, что, если они это сделают, хозяин закроет фабрику.

Для категории «Д» (шестой в тарифной сетке) почасовая заработная плата составляла 1,57 франка, или около 22—24 франков в месяц. Именно такую зарплату получила Мари-Жоэль, перестав быть ученицей, еще в апреле прошлого года.

Но в мае наступил день, когда долго копившееся недовольство низкой зарплатой, плохими условиями труда, дискриминацией, унижениями кончилось взрывом. В мастерских остановились машины, заглохли моторы. Движение, ставшее единодушным, было начато девушками, приезжавшими на работу на рейсовой машине: и без того долгий рабочий день удлинялся бесконечным ожиданием этого автобуса и временем, необходимым на дорогу.

Каждое утро все три недели забастовки Мари-Жоэль выводила свой велосипед из дому ровно в 4.30 утра, проезжала восемь километров и занимала место среди пикетчиков. В полдень она возвращалась, чтобы перекусить, и снова уезжала.

— Раньше я ни в чем не принимала участия. Да ничего и не происходило на нашей фабрике. Сначала мне было, конечно, страшновато. А потом перестала бояться. Мне хотелось встать на защиту подруг, и они мне верили. Я всегда чувствовала их присутствие. Поэтому страх перед хозяином пропал.

Во время этой забастовки работницы фабрики Дюэма поняли, как необходимо быть организованными.

Они провели собрание в шахтерском зале в Анише и решили создать у себя профсоюзную секцию Всеобщей конфедерации труда. Под руководством Мари-Жоэль был разработан перечень требований.

Хозяин Дюэм вынужден был уступить. Мари-Жоэль вспоминает:

— В большинстве случаев зарплата была повышена более чем вдвое. Вместо 1,57 франка в час работница сейчас получает 3,45 франка. Уничтожены возрастные различия в зарплате. «Равную оплату за равный труд», — записано в протоколе профсоюзной секции этого предприятия, с профсоюзом пришлось считаться. Введен двадцатиминутный обеденный перерыв.

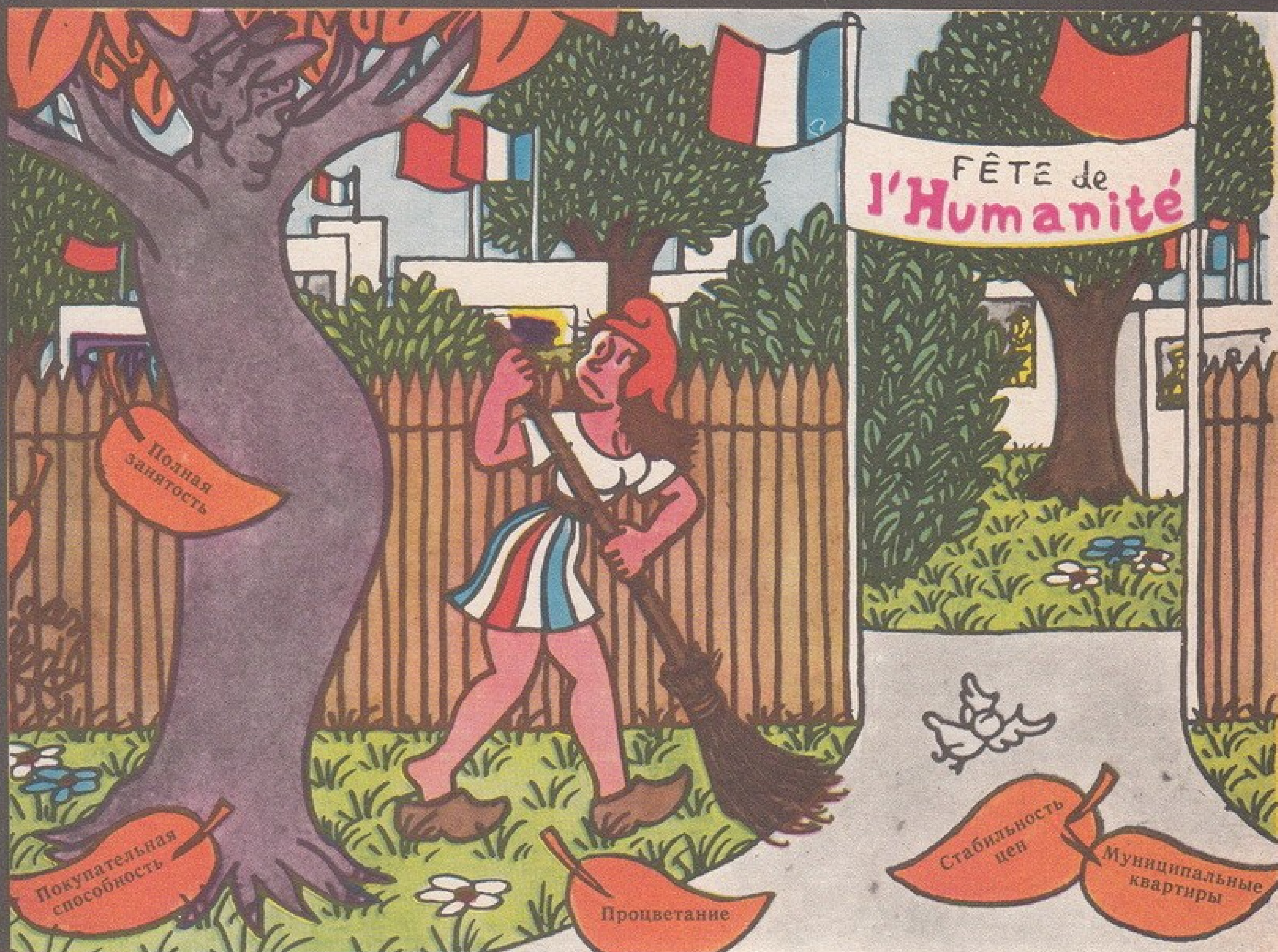
— Подумайте только, как довольны были работницы! — говорит Мари-Жоэль.

А сторонники местного деголлевского кандидата выразили злобу хозяев, разбив камнями стекла в доме Мари-Жоэль. За участие в забастовке.

Затем наступил июль, а с ним и выборы делегатов в состав профсоюзного комитета предприятия. Впервые девушки избрали тех, кто взял на себя трудную задачу их защиты. В голосовании могла принять участие лишь половина из них, остальным не было еще восемнадцати лет. А кандидаты в делегаты должны были быть двадцатилетними. Розелина, Надина, Жанина, которые так-

8 февраля будет праздноваться День юного героя.

Простая история молодой француженки Мари-Жоэль, работницы легкой промышленности, является отличной иллюстрацией важности профсоюзных свобод в жизни трудящихся, в их борьбе за повышение благосостояния. Мари-Жоэль побеждает страх. Извечный страх перед хозяином, который унижает человеческое достоинство, делает из людей покорных роботов, не умеющих осмыслить ни себя, ни свой труд, ни действительность. Вступив на путь борьбы, Мари-Жоэль осознала себя способной сделать многое, и это понимание пришло от мысли, что она не одинока, что рядом подруги, а вместе они — сила.

— Никакой пользы от этого старого дерева. Одни опавшие листья.
«Юманите Диманш»

же проявили себя во время забастовки, почти единодушно были избраны в состав комитета. А Мари-Жоэль — ей исполнилось только шестнадцать, и она не могла еще быть кандидатом — товарищи избрали на ответственный пост секретаря профсоюзной секции.

— В моем возрасте это большая ответственность, — говорит Мари-Жоэль, показывая мне тетрадь профсоюзной секции и образцово составленную картотеку.

— Раньше хозяин приглашал нас в кабинет для беседы. Теперь, когда это необходимо, мы сами заходим к нему. Раньше на фабрике у меня было всего несколько знакомых, теперь же многие обращаются ко мне. Они просят совета. Я стараюсь изо всех сил. Но мне совершенно необходимо пойти учиться в профсоюзную школу.

Школа профсоюзного образования запала ей в душу, ибо, как говорит Мари, «мы должны быть хорошо вооружены». Хозяин после майской и июньской забастовок вынужден был разработать новые ставки почасовой оплаты, и сейчас они строго соблюдаются. Но и теперь он делает попытки вернуться к старым порядкам, делая ставку на страх.

— Но сейчас у нас есть профсоюз, — говорит Мари-Жоэль. — И мы чувствуем себя сильными.

Жан-Рене ДЕЗАЖ,
корреспондент «Юманите Диманш»

ЗАДАНИЕ КЛУБАМ ПРОЛЕТАРСКОЙ СОЛИДАРНОСТИ МОЛОДЕЖИ

18 марта — День Парижской коммуны.

Прочесть и посмотреть книги, кинофильмы, театральные спектакли, посвященные героям-коммунарам, составить списки этих книг, фильмов и пьес и вывесить их в школах, библиотеках, клубах. Провести заседание клуба, посвященное Дню Парижской коммуны. Украсить улицы, носящие имена коммунаров, в городах и других населенных пунктах.

Запах горячего битума

Ливни. Две сотни шагов до стройки — сплошное противное чавканье. Мне повезло: у меня литые резиновые сапоги. Траншеи и котлованы под фундаменты школьного комплекса открыли в начале периода «больших дождей». Ливни начинались во второй половине дня и с небольшими перерывами лили всю ночь. Первое время мы занимались тем, что осушали траншеи. Насос был один, траншей много. Наши инженеры нашли выход: изолированные участки покрывались на ночь брезентом.

Враг № 2, а может быть, и № 1 — громадные валуны. В этом старом вулканическом крае «камешки» величиной с пивную бочку залегают уже на полуметровой глубине. Вытаскивать их — адский труд. Неплохо бы сюда хоть один экскаватор, подъемник да еще пару насосов, но... нашему подрядчику Ато Цегайе Беляйне невыгодно покупать машины. Куда проще нанять за гроши еще сотню чернорабочих.

...Тут самое время рассказать об Ато Цегайе Беляйне. С ним на какое-то время судьба связала нас, советских строителей. Как скрестились наши пути? После одобрения императором проекта Технической школы были назначены торги на подряд. В них участвовали одна эфиопская, две греческие, три итальянские фирмы. Первоначальный капитал единственной эфиопской строительной фирмы — 50 тысяч долларов да плюс столько же — гарантированная ссуда. Размах значительный для основания магазина средней руки. А тут речь шла о сооружении крупнейшего в стране учебного заведения. И все-таки предпочтение было отдано национальной фирме — шаг, который был высоко оценен эфиопской общественностью и прессой.

Ато Цегайе — типичный представитель эфиопской буржуазии. Только в одном он оригинален. Большинство его собратьев по классу вкладывают денежки обычно в торговые дела и немножко — в смешанные иностранно-эфиопские предприятия; он же не побоялся заняться строительными подрядами. И хотя Ато Цегайе уже крепко врос в Эфиопию капиталистическую, он глубокими корнями связан еще с землей, с Эфиопией старой, феодальной.

Мы уже знакомы с социальным происхождением подрядчика. Он сам об этом рассказывает в минуты благодушия. Отец Цегайе Беляйне — крупный землевладелец. Сам Цегайе Беляйне оценивает свою наследственную долю земли в 150 тысяч долларов. Он отец девятерых детей. Старший заканчивает закрытую английскую школу в Аддис-Абебе, а на каникулы приезжает в Бахар-Дар. Отец приобщает его к бизнесу: поручает несложные работы, знакомит с чертежами и конторским делом.

Феодал явственно проступает в некоторых привычках и поступках Цегайе Беляйне. Его слуга, пятнадцатилетний бессловесный и забитый Хагос, по вечерам моет хозяину ноги. Во время процедуры подрядчик просматривает счета, попивает пиво, пронося бокал над головой стоящего на коленях Хагоса.

Дважды в год — в день рождения императора Хайле Селассие I и в день его коронации — Ато Цегайе «ставит угощение» своим мастеровым: бригадирам плотников, арматурщиков, бетонщиков, металлистов. Одной рукой он дает стоящим в очереди рабочим по куску жареного бараньего мяса, другой — стакан теджа. Получивший свою долю кланяется, почти касаясь лицом лоснящейся от бараньего сала хозяйской руки.

Во всем остальном Цегайе Беляйне — капиталист. Крепит и множит свои связи с деловой Аддис-Абебой, пробивает брешь в плотной паутине конкурентов-иностранцев, «завязывает узелки» даже за пределами страны. Постепенно он становится довольно известной фигурой в эфиопском мире частного капитала. Он, например, отлично усвоил некоторые коммерческие приемы личного обогащения, которые на Западе давно уже не в диковинку. Как-то приглянулся ему новенький темно-серый «фиат», и... через две-три недели старый черный «форд» летит в пропасть где-то на горной дороге между Асмарой и Дессие. Получив страховую сумму, Ато Цегайе приобретает машину; вместо восьми тысяч долларов она обошлась в три.

Ато Цегайе свободно владеет итальянским и хуже английским, немного освоил русский, особенно числительные. Во время бесед он слегка напрягается, иногда переспрашивает. Этикет и общие фразы Ато Цегайе поручает своим помощникам, а сам во время беседы напряженно, безостановочно решает в уме оперативные финансовые проблемы. Лишь изредка у него подрагивают брови: когда он слышит какую-нибудь интересную для себя цифру.

За два года я только один раз увидел в его руках книгу, не считая, разумеется, книг конторских, и это была... «Империализм как высшая стадия капитализма» на английском языке! Подрядчик был несколько смущен:

— Эта книга про Европу и Америку. В Африке другие законы. Кроме того, не все понятно здесь таким маленьким людям, как я.

Но мне показалось, что он понял кое-что.

У Ато Цегайе, помимо клерков-эфиопов, работают по контракту и иностранцы: единственный инженер-грек, субподрядчики — греки и итальянцы.

Но школа растет, хорошеет, конечно, не только усилиями иностранной «технической прослойки». Ее поднимают на своих плечах местные рабочие — бетонщики, арматурщики, металлисты, плотники, отделочники, сотни разнорабочих, многие из которых до сих пор держали в руках только пастуший бич да серп. На строительстве в эти дни работает около 400 отходников, не считая кадровых строителей-мастеровых.

...Приятно попробовать на ощупь цементный раствор, узнать, как щекочет ноздри запах горячего битума, пройтись по упругим эвкалиптовым лесам. Кстати, на этих лесах в дожди появляются... зеленые веточки с маленькими

Это отрывок из книги «Экватор рядом», которая скоро появится в издательстве «Мысль». Автор книги Г. Гальперин в течение нескольких месяцев работал в Бахар-Даре на строительстве Технической школы, дара правительства СССР правительству и народу Эфиопии.

крепкими листочками. Вот уж поистине благодатная земля: воткнешь палку — вырастет куст!

12 часов дня — обеденный перерыв. Самый солнцепек. Столичные мастеровые, рабочие из Гондара и дальних деревень бегут в ближайшие харчевни; цегайевские конторщики и надсмотрщики в лучшую из них — «Рай». Местные располагаются прямо в поле, на обочине «Дороги тысяч ног». Им приносят обеды жены и дети. В глиняных и металлических мисочках блины прикрыты широкими листьями вроде нашего лопуха; в мисочке поменьше — перцовый соус «вот». Пока мужья, отцы и братья насыщаются, детишки и женщины робко подходят к невысокой металлической школьной ограде, с изумлением разглядывая удивительное сооружение из бетона, стекла и металла.

В тесной конторке нашего подрядчика мимо бухгалтера Униту Богале цепочкой проходят рабочие. Сегодня день получки. В последней графе толстой книги — отпечатки пальцев. Расписываться умеют только квалифицированные рабочие-мастера. Рабочий день — 10 часов. Заработок рабочего — 25—35 долларов в месяц; мастеровые-эфиопы получают в три-четыре раза больше, а итальянцы (каменщик и садовод) и плотник-грек — по 400—600 долларов. Жалованье же главного инженера Антониса Ванжелатоса почти в 100 раз больше заработка чернорабочего.

Труд разнорабочих тяжел. Подносчик бетона 130 раз за смену поднимается с ведром бетона по зыбким лесам на третий этаж учебного корпуса. Засыпка бетона в формы — процесс непрерывный и скоротечный, паузы не допускаются. На каждом повороте деревянных мостков — надсмотрщики. Палками и пинками они подгоняют уставших, перепачканных в бетоне и глине людей, и те покорно ускоряют шаг, а то и летят кувырком по дощатым сходням.

Единственное, что мы можем, — просить у Цегайе Беляйне соблюдения некоторых правил техники безопасности. Представитель национального капитала даже не сразу понимает, что это за штука — «техника безопасности», а затем одаривает нас своей улыбкой:

— Эфиопы — горный народ. Для них пройтись по карнизу — чепуха!

Трудно забыть, как Ато Цегайе ругал худощавого паренька, забравшегося на 12-метровую высоту школьного флагштока, за то, что из привязанной к шее рабочего банки наземь пролилось несколько капель масляной краски. Хозяину было в высшей степени наплевать, что маляр держится на раскачивающемся кончике металлической мачты только силой мускулов левой руки и ног.

Скажем прямо: незавидна судьба рабочего-эфиопа, особенно разнорабочего, без квалификации. Работу (даже за доллар в день) найти трудно, зато уволить тебя могут в любую секунду. Люди часами простаивают за воротами школы, заискивающе поглядывая на невозмутимых сторожей, словно от них все зависит. Молодые люди даже в крохотном нашем Бахар-Даре слоняются с утра до заката в поисках случайного заработка.

Ход времени в этой стране замедлен. Более того, иногда кажется, что время даже повернуло вспять и тащится в прошлое.

Но все-таки растет, крепнет новое. Еще слабенькое дыхание его касается и рабочих Ато Цегайе. Люди учатся, хотя и очень медленно, чувству локтя.

Как-то здешний надсмотрщик ударил старика рабочего палкой. Стоявшие рядом арматурщики распрямились, и надсмотрщик попятился, подталкиваемый силой их ненавидящих взглядов. Ладный и высокий плотник-эфиоп подошел к надсмотрщику, вырвал у него палку, швырнул ее на крышу конторы и сказал что-то такое, от чего голова надсмотрщика втянулась в плечи. Месяца через два после этого случая забастовали маляры, требуя у Ато Цегайе увеличения зарплаты.

Часто в разных уголках стройки слышатся смешанные амхаро-русские команды и призывы:

— Анд, улет, сост! (Раз, два, три!) Взя-я-я-ли!

Инженер Михаил Рогачев показывает рабочим, как нужно изолировать трубопроводы. Те дружнее принимаются за работу: не часто увидишь, чтобы специалист-иностранец копался в траншее. Михаил уже на другом конце стройки, но минут через пять снова спрыгивает в траншею:

— Вот теперь бэтам тыруну (очень хорошо), хлопцы!

Ребята улыбаются. Вчерашние пастухи, землепашцы, разнорабочие становятся каменщиками, малярами, кровельщиками. Вокруг советских специалистов вырос, говоря по-нашему, актив кадровых рабочих. У Ивана Павловича Соколова — отделочники, у Николая Сергеевича Лезжева — наладчики, у Германа — электрики-слаботочники.

Наши люди преподают не только уроки труда, но и мужества. Как-то у самой стены главного учебного корпуса на глубине в полметра рабочие-землекопы наткнулись на связку итальянских гранат — след минувшей войны. Начальник полиции шутливо заметил, что эти гранаты могут доставить неприятности только при прямом попадании в голову. Тогда мы предложили ему вытащить и выбросить их в болото. Капитан сразу перестал острить и распорядился оградить опасное место. Ждали специалиста из военного министерства. Прошел месяц. Огороженное место мешало работать и, главное, здорово действовало на нервы. И вдруг в один действительно прекрасный день гранаты исчезли. Виновником этого чуда оказался Митрич, мастер по кровельным покрытиям Григорий Дмитриевич Панин. Ему крепко влетело от нашего шефа. Митрич стоял и смущенно улыбался:

— Опротивели эти железяки. И рабочие боятся. Я их выбросил в трясину. Да вы не кричите — я на фронте минером был...

ОАКСТЕ[ПЕК —] ОЛИМПИЙ[СКИЙ ЛАГЕРЬ]

Конечно, это была необычная поездка за рубеж. Хозяева XIX Олимпийских игр — мексиканцы организовали в рамках культурной программы Олимпиады международный олимпийский лагерь молодежи. В Оакстепек, расположенный в 88 километрах от Мехико, съехались юноши и девушки из 19 стран мира. Это живописнейшее курортное местечко с серными источниками, редкими тропическими деревьями и травами, окаймленное со всех сторон цепочкой невысоких гор, по преданию было основано еще знаменитым вождем легендарных ацтеков Монтесумой.

Отдыхать здесь одно удовольствие. Но такое удовольствие могут позволить себе лишь очень богатые люди. Современные бассейны и стадион, прекрасная кухня и медицинский пункт, гостиница и театр, множество различных развлекательных и спортивных игр — весь этот сервис стоит огромных денег. День пребывания здесь для одного человека обходится приблизительно в двухнедельный заработок среднеоплачиваемого мексиканского рабочего.

Трудно объяснить, чем руководствовались устроители лагеря, поместив нас сюда. Однако, не кривя душой, можно сказать, что для установления дружеских контактов со своими зарубежными сверстниками и знакомства с их жизнью были созданы хорошие условия. Правда, как объяснил один из руководителей мексиканской делегации, для того чтобы «и вам и нам было спокойнее», лагерь окружили тройным поясом охраны: внутри — скауты в полной форме, при въезде и вокруг — полицейские кордоны, а на расстоянии всего лишь нескольких километров — целые воинские подразделения.

Такая мера предосторожности была вызвана тем, что накануне открытия Олимпийских игр в самом сердце Мехико — на площади Трех культур во время мирного студенческого митинга реакция спровоцировала кровавое столкновение с полицией. Сотни ни в чем не повинных молодых людей были убиты и ранены, многих жестоко избили и бросили в тюрьмы. Боясь резкого возмущения студенчества, власти на период Олимпиады закрыли все колледжи и университеты и практически превратили Мехико и его окрестности в местность на осадном положении. Мы это заметили в первый же день приезда: на самых важных магистралях в полной боевой готовности несли круглосуточную вахту полицейские автомашины, танки и бронетранспортеры.

Покинуть лагерь в одиночку можно было, лишь получив специальное разрешение администрации. Обычно устраивались коллективные вылазки на автобусах для осмотра исторических достопримечательностей или чтобы «поболеть» за своих на играх. Такая возможность представлялась только дважды в неделю. Поэтому оставалось много «свободного» времени, до отказа заполненного дискуссиями, национальными фестивалями искусств в интерклубе и на площади флагов, волейбольными, футбольными, теннисными соревнованиями.

Язык дружбы — язык универсальный. Владея им, всегда можно отыскать ту единственную тропку, что ведет к сердцу собеседника. В нашей делегации из 19 человек почти половина свободно разговаривали по-испански, остальные неплохо объяснялись по-английски, по-французски, по-немецки. Абсолютное большинство участников лагеря (а их было свыше тысячи человек) впервые увидели советских людей. Вначале к нам относились с явным предубеждением. Коммунисты, мол, приехали. Сейчас начнут всех агитировать в свою веру. Но обаятельность, простота и сердечность Любаши Яницкой из Кисловодска, рабочего с Красноярской ГЭС Виктора Бычека, московского аспиранта Алексея Шестопала, Валентины Липужиной из Казани, Скайдрите Будовской из Риги, Станислава Крамаренко из Астрахани и многих других наших товарищей быстро рассеивали туман недоверия и настороженности.

Вопросы порой, с нашей точки зрения, были удивительно наивными: «Зачем, когда рождается ребенок, родители молятся: «Дай бог, чтобы он был коммунистом»?», «Не являетесь ли вы тайными союзниками янки во вьетнамском конфликте?», «Почему русская водка валит с ног человека?», «Запрещено ли у вас танцевать лимбо, чарльстон, шейк, твист?», «Правда ли, что по улицам ваших городов бегают дикие звери и даже медведи?», «Есть ли у вас другая пища, кроме черного хлеба, водки и картошки?»

Иногда вопросы были более серьезными: «Чем отличается социализм от коммунизма?», «Что дала Советская власть молодому человеку?», «Почему Советский Союз обогнал Америку в космических исследованиях?», «Любите ли вы свою Родину?», «Что принесла рабочему классу ваша новая экономическая реформа?», «Остаются ли жить молодые люди в деревнях или все они уходят в город?»

Подробные, ясные ответы даже на самые каверзные вопросы помогали нам находить друзей среди мексиканцев, бельгийцев, французов, чилийцев, норвежцев, американцев, немцев. Хосе Гонсалес, студент-агроном из Монтеррея, подарил мне деревянную индейскую маску.

— Знаешь, — сказал он, — я впервые здесь познакомился с русскими. Раньше из той литературы, которую я читал, вы мне представлялись мрачными, холодными людьми, воспитанными в условиях жесткой диктатуры и безысходной нужды. Как я заблуждался! Как я наивно верил всему, что говорят и пишут о России! И не только я один. Таких, как я, у нас в Мексике много. В нашей семье, например, еще три брата и четыре сестры. У них такие же взгляды, как и у меня. Возьми на память эту маску. Мы должны теперь открыто смотреть друг другу в лицо. Я начинаю верить, что будущее все же принадлежит миру социализма.

Хосе познакомил меня со своими товарищами, тоже студентами: Хильда, Летисия, Луис, Эдуардо. Мы много спорили на самые различные темы. Порой эти споры протекали очень бурно, но всегда кончались дружеским рукопожатием и улыбкой. Перед расставанием я вручил каждому из них по небольшому московскому сувениру, а обрадованному Хосе дал книгу на испанском языке «СССР в вопросах и ответах».

Установлению более широких дружеских контактов с нашими зарубежными ровесниками, несомненно, помог День советской молодежи, который мы провели в лагере в канун 50-летия Ленинского комсомола.

В этот день мы пригласили в гости космонавта Германа Титова с супругой

ЕПЕК
ИСКИЙ

и большую группу артистов: «Оптимисты» из Челябинска, мужской вокальный квартет из Эстонии, композитор Ян Френкель, мастера эстрады, олимпийские чемпионы.

С утра в лагере звучала русская музыка, вышли специальные номера стенгазеты и общелагерного бюллетеня, работал консультационный пункт «Все о Советском Союзе». И выступление Германа Титова в переполненном интерклубе (здесь было прохладнее, а на улице пекло немилосердно), и добротная фотовыставка «Комсомол и молодежь», и цветной документальный фильм на испанском языке «Сибирью плененные», и концерт мастеров искусств — все это прошло очень здорово, с большим подъемом. Зал неистовствовал, по нескольку раз вызывал на «бис» почти каждый номер программы. Рядом со мной сидел плотный, коренастый парень с коротко подстриженными усиками. Глаза его горели от восхищения. Вдруг он вскочил и заорал что было мочи:

— Ка-а-ли-и-ин-ку!.. Ка-а-ли-и-ин-ку!..

Зал подхватил:

— Ка-а-ли-и-ин-ку!..

И когда наши артисты выполнили эту просьбу, все долго бурно выражали свой восторг и скандировали здравицы в честь нашей страны, в честь советской молодежи. В такие минуты тебя невольно распирает от гордости за свое социалистическое Отечество и ты чувствуешь великую ответственность за высокое звание гражданина первой в мире Страны Советов. Здесь, за рубежом, на каждого советского человека смотрят как на полпреда нашей Родины. И поэтому не случайно в Москву полетело принятое на торжественном собрании в честь 50-летия ВЛКСМ письмо, в котором были такие слова: «Мы находимся сейчас вдали от Родины, но ни на мгновение не чувствуем себя оторванными от нее. Нас объединяет чистая, глубокая любовь к ней и беспредельная преданность бессмертным идеям марксизма-ленинизма. Нет таких сил, которые могли бы увлечь нас дешевыми посулами и пестрыми картинками так называемого «свободного» буржуазного мира».

Успех Дня советской молодежи озадачил некоторых наших «друзей» из делегаций ФРГ, Японии, США. Они в спешном порядке стали готовиться к таким же дням, чтобы привлечь к себе большее внимание участников лагеря. Японцы начали расхаживать в кимоно, с утра до вечера показывали различные приемы дзю-до, фехтовали на шпагах и рапирах, а на площади флагов они завели «Летку-енку», зажигательность которой особенно импонировала экспансивным мексиканцам. Западные немцы провели свой день под знаком будущей Олимпиады в Мюнхене в 1972 году, а американцы изо всех сил старались доказать, что США — самая демократическая страна в мире.

Разумеется, в таком многонациональном доме, каким был наш лагерь, находились люди, которым очень не нравилась популярность делегации советской молодежи. Они пытались насолить нам исподтишка, устраивали обструкцию во время нашего выступления на свободной трибуне, бросали вслед злые, грубые слова. Но мы не обращали на это никакого внимания.

Интерес к нам рос с каждым днем. И когда в лагерь приезжали гости из столицы и близлежащих селений, то нашу делегацию буквально разрывали на части. Всем хотелось поговорить с советскими или хотя бы получить у них автограф. И еще одна деталь: в лавке сувениров в интерклубе в обмен за советские значки можно было приобрести любой сувенир — от сомбреро до чучела крокодиленка.

Покидали мы Оакстепек одними из последних. В толпе провожающих промелькнуло заплаканное лицо Летисии. Она стояла рядом с Луисом и не скрывала своего огорчения. А когда автобус тронулся, вслед нам полетело:

— Амистад! — Дружба! Вива Моску!

А. ФЕДОТОВ

Оакстепек — Москва

ДИВЕРСИЯ ПРОТИВ ИСТИНЫ

А таки империалистов на саму идею коммунизма продолжаются уже более полувека. Полвека назад, во время гражданской войны в России, доктрина борьбы с коммунизмом была простой: задавить революцию вооруженной интервенцией. Не удалось. Революция победила. Тогда империализм родил доктрину, принявшую форму «санитарного кордона», то есть политической и экономической изоляции Страны Советов. Это тоже не дало желаемых результатов.

Итог второй мировой войны, огромный вклад советского народа в победу над фашизмом, возникновение социалистических стран в Европе и Азии — все это перечеркнуло политику «санитарного кордона».

После войны старые доктрины борьбы с коммунизмом уже не удовлетворяли империалистов. Спешно родилась доктрина Г. Кеннана о «задержании» коммунизма. Она вместе с так называемым «планом Маршалла» помогла буржуазии избавиться от коммунистов в правительствах Франции и Италии, открыла путь политическому, экономическому влиянию США на Европу. Тогда было создано НАТО. В 1952 году в период правления Эйзенхауэра Даллес изобрел доктрину «освобождения» или «отбрасывания», предусматривающую восстановление капитализма в социалистических странах без применения военной силы. Сам Даллес назвал свою политику «балансированием на грани войны». Он четко писал: «Втянуть Восточную Германию в сферу господства Запада, чтобы, получив выдвинутую стратегическую позицию в средней Европе, минировать Польшу, Чехословакию, Венгрию». Но и эта доктрина, основанная на атомном шантаже, не оправдала надежд империалистов. Провалилась и попытка политического переворота в ГДР в июне 1953 года. Контрреволюционный мятеж 1956 года в Венгрии тоже потерпел поражение. Снова пришлось «изобретать». Но «холодная война» в Европе, как сознался в своей книге один из теоретиков антикоммунизма, З. Бжезинский, уже не то, чем была некогда. Запад осознает, что он не имеет возможности свергнуть коммунистические режимы в Восточной Европе с помощью непосредственной политической акции. При Кеннеди была создана концепция «мирного проникновения». Она должна была привести к «мирной трансформации» существующих режимов (разумеется, в социалистических странах). Джонсон же не выдумал ничего нового. Он просто возвратился к концепции Кеннеди, пропагандируя политику «наведения мостов».

Очень четко задачи и методы этой политики были определены в 1962 году в журнале «Ауссенполитик»: «Используя национальные различия, религиозные предрассудки, а также человеческие слабости, как любопытство, женское честолюбие, тягу к развлечениям, содействовать развитию индифферентности к целям коммунистического государственного строительства. Без стеснения указывать на экономические, моральные и другие неполадки с тем, чтобы подвести население постепенно к пассивному сопротивлению... С помощью разнообразных средств современной пропаганды втиснуться в общественную жизнь коммунистических стран... Таким образом, люди в коммунистическом государстве станут сознательными или подсознательными носителями западных идей, а в обществе возникнет чувство всеобщей неудовлетворенности. Это создаст — без применения силы — предпосылки для внутренних изменений и, наконец, для государственного переворота».

В ФРГ эта доктрина получила название «новой восточной политики Бонна». «Наведение мостов» заключается и в увеличении круга действия психологических и идеологических диверсий. Отчет № 2 подкомитета по делам международных организаций палаты представителей США так представляет цели и методы этой диверсии: «Употребляя современные инструменты и технику передач, можно сегодня охватить своим влиянием большие или влиятельные группы людей, информируя их, влияя на их сознание, а иногда толкая их на определенные действия. А эти группы, в свою очередь, могут оказывать влияние и даже нажим на свои правительства!»

И дело не в том, как вначале пытался это представить западногерманский министр Штраус, чтобы «найти лучшую форму сближения», а в том, чтобы «размягчить международную организацию коммунистического мира» и заодно «разрушить его изнутри». Директор института по изучению коммунизма при Колумбийском университете в Нью-Йорке Збигнев Бжезинский предложил для этого «дразнить коммунизм идеологически».

Главная цель стратегии «наведения мостов» — подрыв идеологических основ социализма.

Почему именно Чехословакия стала объектом ее внимания в последние годы? На этом вопросе стоит остановиться подробнее. Во-первых, в Чехословакии была ослаблена идеологическая работа с партийными кадрами и рядовыми коммунистами. Во-вторых, с конца 50-х годов в стране стали нарастать экономические трудности, которые медленно устранялись. Одним из острых вопросов стал национальный вопрос.

И все же контрреволюции приходилось действовать более осторожно, нежели в 1956 году в Венгрии, без трупов на уличных фонарях, без выстрелов. Ставка была слишком боль-

шая. Достаточно посмотреть на карту, чтобы заметить, что Чехословакия занимает ключевые стратегические позиции в мире. На это когда-то обратил внимание Гитлер. А Бисмарк заявлял: «Кто властвует над Чехией, тот хозяин Европы».

Оперативные планы командующего сухопутными войсками США в Европе предусматривают «освобождение Восточной Германии и Чехословакии». Когда согласно плану идеологическая диверсия создаст «благоприятную ситуацию», можно будет развязать агрессию. Специально отведено место и для рассуждений о возможной реакции народов социалистических государств в момент агрессии. Вполне вероятно, рассуждали стратеги НАТО, что члены КПЧ и люди, связанные с партией, будут всеми доступными средствами противостоять попыткам проникновения западных государств в Чехословакию. Авторы рассчитывали на пассивную часть населения, которая при определенных условиях «будет доброжелательна к западным государствам».

Бжезинский нервничает. Он поругивает неповоротливость американских пропагандистов. Досталось от него даже «Свободной Европе»: «Важно, чтобы радио «Свободная Европа» сочувствовало национальным интересам своих слушателей». Ударяясь в демагогию, Бжезинский так расшифровывает, для чего это нужно империализму: «Национализм создает основу для более эффективного отпора против советского господства».

Вот и готов рецепт: сыграть на национализме. Это легче всего предложить политически незрелой молодежи. Буржуазная пропаганда на разные лады варьирует один и тот же тезис: национальные интересы стоят выше идеологических взглядов и политических задач. «Поляки остаются поляками, — заявляет, к примеру, «Ди вельт», — русские — русскими, а чехи — чехами, несмотря на все идеологии».

Опекунов и наставников у молодых чехов и словаков было хоть отбавляй. Где-то на Западе уже «хлопотали» о чехословацких студентах. Им и стипендии, им и поездки, им и экскурсии. «Стипендии, выдаваемые Западом, уже сегодня принесли хорошие результаты», — радовался Бжезинский.

О них было написано на страницах газеты «Млада фронта»: «Мой долг сказать молодым людям в глаза горькую и непопулярную правду, — заявил один из чехословацких лидеров, — антисоциалистические и крайне правые силы для поддержки своих крайностей пользовались часто молодежью, и прежде всего некоторыми студентами вузов».

При настойчивых атаках империалистической пропаганды, при пестроте молодежных организаций, тянувших, как лебедь, рак и щука, в разные стороны, молодым людям трудно было разобраться в послеянварской обстановке в стране. Многие из них жадно льнули к шелестевшим, уговаривающим, сокрушающимся в эфире голосам подрывных радиостанций, распространяющих «слухи». Распространение провокационных слухов приняло в Чехословакии настолько нетерпимый характер, что «Руде право» вынуждена была выступить со статьей «Подлец и некоторые другие». «Слухи» были самые разные. Западная пропаганда внушала молодежи мысль о превосходстве западной демократии, о том, что союз с Советским Союзом противоречит национальным интересам Чехословакии, об «исторической принадлежности» к традициям Запада». Подтасовывая факты, убеждала, что для экономики страны лучше покинуть СЭВ и вернуться в лоно западной цивилизации.

И невдомек было чехословацкой молодежи, что на пропагандистскую обработку граждан ЧССР, выезжающих за границу, Штраус требовал предоставить 260 миллионов марок, что Штаты тоже отвалили на это доллары, что молодые туристы из ФРГ перед поездкой в Чехословакию прошли специальную подготовку в университетах Гейдельберга и Штутгарта и в других вузах на юге Германии, что поездки студенческих групп из ФРГ в Чехословакию финансировали западногерманские партии ХДС и СПГ.

Так «наводились мосты». 16 июля прошлого года корреспондент американского агентства ЮПИ Велингтон Лонге писал из Бонна: «Западные немцы начинают строить в Чехословакии политические опоры для моста».

Наблюдая все это, лидеры судетских землячеств радостно потирали руки. Уже велись разговорчики о возвращении судетских немцев, о предоставлении им автономии. В газеты попадали сообщения одно другого невероятней. Ударяя себя кулаком в грудь, вот, мол, какие мы хорошие, депутат от ХДС Бехер требовал «возвращения чешских, моравских и силезских немцев на старую родину». «Националь-цайтунг» кричала: «Прага должна исправить зло!», «Прага должна решительно пойти на исправление бесправия 1945 года: возвратить Германии отнятый у нее Судетский край».

То же самое когда-то говорил Гитлер.

Был создан специальный фонд судетских немцев. Сумма превышала сто миллионов марок. Подобный фонд был и в 1938 году, когда Гитлер готовился напасть на Чехословакию. Щедрость пожертвований в фонд была продиктована расчетом, о котором открыто высказался Франц Бёгм, бывший председатель нацистского суда в Либерце (тогда Райхенберг): «То, что было возможным тридцать лет назад, должно быть возможным и сегодня».

Как грибы после дождя, в Чехословакии появлялись все новые группы, организации, союзы. Так кто же должен был стать ближайшим партнером империализма? «Клуб 231»? «Клуб активных беспартийных»?

«Клуб активных беспартийных» бахвалился: «Нас 6 миллионов». Он требовал: «Хотим быть независимой политической силой совершенно нового типа, представляющей взгляды и требования беспартийных».

В начале апреля 1968 года на пражской Карлове Намести под номером 17 появилась вывеска: «Центральный секретариат «Клуба 231».

«Клуб 231» заявил, что намерен объединить всех «бывших политзаключенных, независимо от ориентации и взглядов». «Всех тех, — комментировала газета «Свободне слово», — которые на собственном опыте узнали, что значит злоупотребление обязательными уставами под плащом демократии». Напомним: статья 231 санкционирует справедливые приговоры для гитлеровских выкормышей, шпионов и саботажников. Все они после отбытия наказания должны были, по мнению «Свободне слово», стать на страже «стремления к возрождению демократии».

Среди наиболее активных деятелей «Клуба 231» было много бывших агентов американской разведки, осужденных чехословацким судом. Весной и летом 1968 года американские и западногерманские разведцентры восстановили с ними контакты. Американская газета «Дейли Уорлд» писала 23 августа по этому поводу: «Чехословакия издавна является сферой действия американских шпионов. Создается впечатление, что агенты глубоко вгрызлись в эту стратегически важную страну, граничащую с четырьмя другими социалистическими странами, а также с Австрией и Западной Германией. Задача американских агентов не только в том, чтобы собирать шпионские сведения, но и в том, чтобы вербовать предателей... По данным печати, в Чехословакии сейчас находится 1500 американцев, многие из них — это хорошо известные антикоммунисты».

Политические диверсанты из «Клуба 231» записали в своей программе: «После ликвидации кадров безопасности следует начать чистку в армии и таким образом гарантировать принятие власти мирным и бескровным путем».

Главной мишенью для буржуазной пропаганды и антисоциалистических сил оказалась КПЧ. Радужной мечтой ее врагов было осуществление таких внутренних преобразований КПЧ, которые подчинили бы компартию ревизионистским концепциям, открыли путь для широкой деятельности разномастных антисоциалистических элементов. Они требовали, чтобы компартия поделилась властью с оппозиционными партиями и «клубами». НАТО разработало специальную операцию под названием «Зефир», которая должна была обеспечить приход к власти «реформаторов», провозглашение ими нейтралитета и выход из организации Варшавского договора.

Комментатор Би-Би-Си сообщил 27 марта: «Мы радуемся переменам в Чехословакии и питаем огромную надежду, что на том, что уже достигнуто, можно будет строить дальше... Пока мы только можем с удовлетворением приветствовать либерализацию в Чехословакии, угадывая в ней первый важный шаг, начало развития, которое со временем не должно задержаться перед социалистической системой и, вероятно, не задержится».

Яснее по этому поводу высказался западногерманский журнал «Крист унд Вельт», возглавляемый бывшим штурмбаннфюрером СС Гизельгером Вирзингом: «Коммунистическая

(Окончание на стр. 10)

ЛЮДИ В ЧЕРНЫХ БЕРЕТАХ

Мы уже писали о негритянских восстаниях, прокатившихся по городам Соединенных Штатов Америки. „Черные пантеры“, их появление и количественный рост — следствие обостренной обстановки в сегодняшних США, чреватое взрывом еще более грандиозным. Движение негров неоднородно, и диапазон весьма широк: от респектабельно-буржуазных до ультрареволюционных, провозглашающих „черное господство“. На фоне этого движения выделяются „черные пантеры“, ибо они взяли на вооружение организованность. Правда, их организованность пока узка и может обернуться самоизоляцией, если они не придут к пониманию необходимости союза с другими прогрессивными силами.

В автобусе, что отправлялся из Окленда в Сан-Франциско, справа и слева от меня сидели парни в черных кожаных куртках и черных беретах — «черные пантеры». Так называют движение, зародившееся в Окленде и охватившее негритянские гетто Соединенных Штатов.

— Ты из Австрии! — спросил один из юношей.

Я кивнул.

— А как там насчет оружия!

— Здесь кто хочет, тот и покупает, а у нас надо иметь разрешение. Конечно, можно и тайком... Но мне не нужно...

— Как это не нужно! А если на тебя нападет полицейский и попытается пристрелить?

Два дня назад полицейские из патрульной машины обстреляли штаб-квартиру «черных пантер». Шериф объяснил это нетрезвым состоянием своих подчиненных.

В борьбу полиции против преступности, обещанную каждым новым президентом и каждым шефом полиции, никто не верит, но в то, что полиция уничтожает каждого негра, смеющего думать иначе, чем угодно полиции, поверит каждый. А чтобы придать этому законность — есть целая сеть судов. Недавно в Окленде шел процесс над руководителем «черных пантер» Невтоном, косвенными уликами обвиняемого в убийстве во время драки.

Я говорил со многими присутствующими на этом процессе, и они твердо убеждены были в его невиновности, равно как и были уверены в смертном приговоре, если только не вмешаются черные и белые общественные организации.

Негр, попавший под колеса юстиции, находится в худшем положении, чем белый. Закон предписывает, чтобы обвиняемого судил состав присяжных, равный с ним. Но где же присяжные негры!

Полиция постоянно воюет с обитателями гетто: часты перестрелки, побоища. Единственное преступление негров — цвет кожи. Черный цвет — подозрительный. Гетто защищаются. Были случаи, когда белых полицейских заманивали и убивали. Мстителей не выдают, хотя многие обитатели гетто не согласны с ответным насилием. «Черные пантеры» не дают развернуться полицейским, предупреждают их провокации.

Руководитель «черных пантер» Эльридж Кливер просидел шесть лет в тюрьме и был одним из сотен тысяч молодых людей, загнанных на нижнюю социальную ступень, ненавидящим самого себя. Он находил самоутверждение в неясной мести и еще более ненужных преступлениях. В тюрьме он научился читать и писать. Стал писателем — его перу принадлежит книга «Душа во льду».

— Руководитель нью-йоркских «черных пантер», — кивнул мой коллега в сторону молодого негра, заказавшего кофе. Среднего роста, коренастый, лет двадцати пяти, лицо интеллигентное.

— Форд, — представился он. — Не фотографируйте меня. Моих портретов у ФБР предостаточно.

— Вы студент! — спросил я.

— Был студентом. Сейчас, как это ни странно звучит, профессиональный революционер.

Я видел марширующих «черных пантер». Они не чеканили шаг, но в них было столько веры в собственные силы, столько готовности бороться, что забывалось о враге более сильном и технически оснащенном.

— Повсюду в США вспыхивали восстания в гетто, но никогда еще они не достигали прошлогодней силы, — начал я разговор с Фордом. — Означает ли это спад борьбы в гетто!

— Нет. Изживается стихийность. Восстания были эффективны. Они привлекли внимание белых к тому факту, что внутри страны живет угнетенный народ. «Человек» — так называют в гетто белого — был поражен взрывом протеста чернокожих. Направляя больше средств в гетто, он в то же время оснащал полицию новой техникой подавления. Сегодня восстание негров, такое, к примеру, как в Детройте, закончилось бы поголовным уничтожением.

— Есть ли возможность мирно разрешить проблемы гетто!

— Нет. Со времен ввоза рабов в Америку мы всегда представляли гигантский резервуар неквалифицированной рабочей силы сначала на феодальном Юге, а затем и на индустриальном Севере. Но в век атома в обществе нет места для нас, вечно исполняющих роль подсобных рабочих, а «человек» в расистской стране абсолютно не заинтересован в нашем усовершенствовании. Автоматизация принесла и белому безработицу, неуверенность в завтрашнем дне. Решить проблему можно, только уволив 10—15 миллионов рабочих.

— Что же будут делать эти 10—15 миллионов!

— Это и сейчас очевидно: гнить в гетто, а если возмутятся — их уничтожат. Этот метод политически подкреплен американским фашизмом. Оборудованы 39 концлагерей. Для кого! Для черных и их товарищей, белых. Американский фашизм как нельзя лучше представлен партией Уоллеса, набравшего во время последних выборов 14 процентов всех избирателей. Не напоминает ли это вам нацистскую Германию, ее концлагеря, учения о расовом превосходстве, истреблении целых народов! Большинство негров все еще не могут поверить в это, вероятно, так же, как не верили немецкие евреи, пока дело не дошло до газовых камер.

— Как вы собираетесь с этим бороться!

— Гетто должно вооружиться и оказать сопротивление «человеку». Наша первая цель — самооборона. Нужно отстаивать право на лучшие жилища, образование, заставить полицию убраться из гетто. Нужно создать собственную полицию, боевые дружины, позволяющие нам организованно сопротивляться. Ненасильственная борьба, которую проповедовал Мартин Лютер Кинг, уже пройдена. Стихийные восстания, встряхнувшие белых властителей, усилившие самоуважение черных, тоже отошли. На повестке дня — организованное сопротивление.

— Вы хотите забаррикадироваться в гетто и сопротивляться! Кто в одиночку сопротивляется и защищается, того ждет поражение. Негры составляют лишь около 15 процентов населения США.

— Нам ничего другого не остается. С вашими пессимистическими процентами я не согласен. Наша борьба — часть антиколониальной освободительной борьбы. Сейчас нужно считаться не только с Гарлемом и Оклендом, но и с Африкой, Азией и Южной Америкой.

— Рассматривая свое движение в свете освободительной борьбы цветных народов, вы списываете со счетов революционное движение белых.

— Мы не списываем белых только потому, что они белые. С белыми, доказавшими свою революционность, мы охотно пойдем рядом. В Калифорнии мы совместно организовали партию мира и свободы. Но проверяем их не только на словах, но и на деле, как это было в Чикаго и Нью-Йорке. Мы смотрим, как ведут они себя под дулами полицейских.

— Почти военная оценка!

— Да. Против врага, лучше технически оснащенного, есть один способ. Взгляните на Вьетнам — партизанская война. И так как негры живут не только в аграрных местностях Юга, но и на индустриальном Севере, то эта борьба возможна и в городах.

...Должен признаться, что это интервью меня несколько ошеломило, и особенно та его часть, в которой говорилось о партизанской войне в городах.

Я разыскал Митчелл, негритянку, кандидата на пост президента от Компартии США. Ей 38 лет. Она энергичная, боевая женщина.

— Мы считаем «черных пантер» значительной революционной организацией, — сказала она, — работаем с ними в партии мира и свободы в Калифорнии. Требование их — вооружить гетто — правильно и является единственным выходом. Мы также настаиваем на собственной полиции и ее контроле над школами и учреждениями.

— А партизанская война в городах!

— Честно сказать, опасная романтическая глупость. «Черные пантеры» поняли, что негров постепенно уничтожают, но недоучли, что партизанская война для белых фашистов — наилучший предлог для полного их уничтожения. Только одна пропаганда такого метода — вода на мельницу фашизма Уоллеса.

Эрнст ЭПЛЕР,
австрийский журналист

ДИВЕРСИЯ ПРОТИВ ИСТИНЫ

(Окончание. Начало на стр. 6)

партия должна распрощаться со своей идеологической монополией, в духовной отрасли она должна согласиться на конкуренцию». Какая бы это была «конкуренция», можно только догадываться, если тот же «Крист унд Вельт», смакуя, предупреждает, что КПЧ «уже в десятилетний срок не имела бы ни одного представителя в правительстве».

Чехословакия приближалась к опасному повороту.

Тактика «наведения мостов» выдерживалась, но наводили уже военные мосты. «Боннер рундшау» писала: «Мы должны неторопливо разыгрывать над Влтавой свою собственную партию; осторожно, но решительно». Осторожно, как взломщики, и решительно, как убийцы. «Там, где можно оказать реальную помощь, — писала 19 июля газета «Франкфуртер альгемайне», — следует это делать как можно незаметнее...» Уже в феврале в некоторых военных школах бундесвера были введены «курсы совершенствования чешского языка». В школах Айскирхена вблизи Бонна, в Хаммельберге и Альтенштадт-Шонгау собрали солдат, которые были родом из Чехословакии. В Бад Тёльце в августе в деталях была разработана организация вооруженных контрреволюционных групп из солдат седьмой американской армии и бундесвера. Отсюда, из Бад Тёльца, летом в ЧССР прибыли тридцать «туристов» с фальшивыми документами. Об этом на Западе, конечно, не шумели. Не говорили также, что в ЧССР «как можно незаметнее» для ознакомления с местностью было заслано много офицеров. В Прагу спешили с визитами полковник Тренч, комендант 35-й танковой бригады, базирующейся в Хаммельбурге, бывший шеф отдела психологической войны министерства обороны ФРГ, а также комендант 7-й противотанковой дивизии генерал-майор Молинари. Последний подался в ЧССР якобы «с лечебной целью».

Журнал «Штерн» разоткровенничался: «Для базирующегося в Арденнах над Рейном батальона 701, задачей которого является ведение психологической войны, возникли идеальные условия для тренировок. В составе батальона три отряда, вооруженные мегафонами, разбрасывающие листовки, рация с двумя мачтами-антеннами, установленными на грузовиках».

После вступления союзных войск стран Варшавского договора в Чехословакию зарубежные вдохновители «тихой контрреволюции» были вне себя от ярости. Председатель социалистической партии Австрии Крейский, тот, который оставил в свое время колбасный завод в Чехословакии, сокрушается, что «последняя фаза развития» в Чехословакии не привела к результатам, которых ждали он и его единомышленники. А «Вашингтон пост» от отчаяния пишет: «Повсюду видны советские агенты. Это затрудняет встречи с подпольем... Встречи приходится устраивать на городских перекрестках или в такси». А «Нью-Йорк таймс», которая в свое время ухитрилась за три месяца почти сто раз похоронить революцию в Советской России, истерически запричитала: «Открытые двери и окна, которые в последние восемь месяцев позволяли ветрам свободы дуть в Чехословакии, быстро закрываются».

Бжезинский, который всегда сохранял маску хладнокровного игрока, играющего на казенный счет, не сумел скрыть злобу. 25 августа на страницах «Вашингтон пост» он опубликовал призыв к тотальному натиску на коммунизм. Он, «сторонник соглашения», призвал оказывать давление на Советский Союз и социалистические страны, организовать их бойкот, мобилизовать силы НАТО. Однако он продолжает упорствовать, что политика «наведения мостов» в той специфической форме, как он это понимает, обязательна и в дальнейшем. Пока он ищет новые возможности. Этого требуют от него его заказчики. А мы должны помнить, что даже самая решительная победа в одной битве не означает конца идеологической войны, которую антикоммунисты ведут всеми доступными им средствами. Пока жив империализм, он всегда будет проводить идеологические диверсии против коммунистического общества, против народов стран социалистического содружества. Его акции приспосабливаются к конкретным условиям различных стран. Его принцип — использование националистических настроений, просчетов в экономическом строительстве, недостатков в идеологической работе.

Интернациональная акция пяти социалистических государств спутала карты врагов мира и социализма.

Л. ХАРАМБУРА

МО... И...

Вопрос: Что такое НАТО?

Ответ: Соединенные Штаты. «Общий рынок»...

Вопрос: Что вы знаете об ООН?

Ответ: Это сообщество шести стран...

Так ответили учащиеся торгового техникума в городе Сёндерборге на одну из анкет. Узнав результаты опроса, бывший министр просвещения К. Андерсен вынужден был признать, что ни семья, ни школа, ни общество не заботятся о политическом образовании молодежи.

По данным статистики, каждый второй юноша из Копенгагена не читает газет. Больше того, в интервью газете «Политикен» гимназист М. Расмуссен рассказывал, что в общежитии учащимся было даже запрещено читать прессу.

Буржуазные идеологи утверждают, что молодежь аполитична и ничем, кроме развлечений, не интересуется. На деле же все не так. В государственной гимназии Копенгагена из 200 опрошенных 180 заявили, что с интересом следят за парламентскими выборами, а 186 регулярно слушают и часто сами участвуют в дискуссиях на внешнеполитические темы, причем 35 процентов юношей и 15 процентов девушек придерживаются социалистических взглядов. Этот опрос показал и другое: датская школа и государство сознательно глушат интерес юношества к политике. 80 процентов опрошенных гимназистов заявили, например, что во время учебы они получают очень мало политических знаний. «Мы интересуемся политикой, но мы лишены возможности заниматься ею. Дайте нам информацию!» — требует на страницах газеты «Актуэльт» молодой журналист И. Билманн.

Еще хуже обстоит дело с политическими правами. По датской конституции правом голоса пользуются лишь те, кому исполнился 21 год. Лишь 2 депутата фолькетинга из 179 моложе 30 лет, средний же возраст остальных — 52 года! Хотя избиратели до 30 лет составляют 750 тысяч человек, или 25 процентов, в прошлом году в фолькетинг был избран от этой группы лишь один процент депутатов вместо 25. Но молодые датчане не хотят с этим мириться.

Под нажимом молодежи 8 ноября 1968 года министр иностранных дел П. Сёренсен вынужден был внести на рассмотрение фолькетинга законопроект о снижении избирательного возраста до 20 лет. Это, правда, еще не победа, но первый шаг сделан.

Борьба датской молодежи за политические права разнообразна. Вот, например, неполный перечень того, чем занимались юношеские объединения в ноябре прошлого года. Пять молодежных организаций в городе Хиллерёде создали свое «местное самоуправление». Его задача — провести дискуссию среди жителей о необходимости иметь Дом молодежи и собрать на его строительство деньги. Студенческая организация «Клартэ» выступила с лекциями о марксистской теории классов и классовой борьбы. По инициативе молодежных организаций в Копенгагене и Орхусе был проведен 3-дневный бойкот учебных заведений и демонстрации протеста против платы за обучение в некоторых из них. Молодые социал-демократы в знак протеста против фашистского режима в Греции потребовали отмены встречи по футболу между сборными Дании и Греции....

Годы «холодной войны» наложили свой отпечаток на политическое самосознание молодых датчан. Натовская пропаганда не жалела сил и средств, чтобы направить энергию юношества в нужное русло.

К сожалению, силы того времени еще не потеряли своего влияния и сейчас. Это они распространяют в Дании «Майн кампф» (в Копенгагене вышло недавно третье издание этой

...лодежь и политика

библии гитлеризма), а с 1 января 1968 года начали издавать правый профашистский журнал «Рефлекс». Это они создали в Дании «Комитет за сохранение демократии», который борется с прогрессивными молодежными объединениями. В комитете действует политическое отребье, начиная с молодых ультраконсерваторов и кончая полуистлевшей датской секцией так называемого «Антибольшевистского блока наций». Это они подслушивают телефонные разговоры лево настроенных молодежных организаций, завели «тайную картотеку», куда занесли около 400 тысяч лиц «левого толка». Это они с помощью денег, щедро отпущенных ЦРУ, ведут подрывную работу в датском молодежном движении, стараясь оторвать его от Международного союза студентов (МСС) и молодежных организаций социалистических стран.

В разгар «холодной войны» крупнейшая организация Национальный союз студентов Дании (НСС) по наущению заокеанских попечителей вышла из МСС и вступила в сколоченную в противовес МСС Международную конференцию студентов. Потребовалось 16 лет, чтобы руководители НСС поняли пагубность и поспешность этого шага. На конгрессе этой организации в сентябре 1965 года большинство делегатов высказались за возобновление сотрудничества с МСС и молодежными организациями социалистических стран.

Аналогичную эволюцию претерпел и Союз социал-демократической молодежи (ССДМ), насчитывающий около 20 тысяч человек. В свое время руководители союза порвали контакты с лево настроенными молодежными организациями и шарахались в сторону даже при слове «коммунист». Весной позапрошлого года конгресс ССДМ отменил запрет на сотрудничество с датским комсомолом и Объединением социалистической молодежи.

Примечательно обращение к датскому парламенту, принятое ССДМ Копенгагенского амта (губернии), где, в частности, говорится, что сейчас отсутствуют мотивы, оправдывающие участие Дании в НАТО, и поэтому фолькетинг должен принять решение о выходе из этого блока в 1969 году, когда истечет срок действия Северо-Атлантического договора. «Выход Дании из НАТО, — подчеркивается в обращении, — будет способствовать ликвидации системы военных блоков».

Местные отделения ССДМ провели дискуссию о целесообразности дальнейшего пребывания Дании в НАТО. В резолюции, принятой отделением ССДМ в Сундбю (район Копенгагена), подчеркивалось, например, что Дания «ни при каких обстоятельствах не может основывать свою политику безопасности на участии в НАТО». Против дальнейшего пребывания страны в НАТО, а также за пересмотр основ датской внешней политики выступают и молодежные секции Радикальной социалистической народной партии и другие организации. Наиболее последовательно и решительно защищает интересы юных датчан Коммунистический союз молодежи.

В 1967 году молодежные организации, чтобы выступать едиными силами, создали специальный комитет «Коордиинеринген» («Координация»), куда вошли ССДМ, Радикальная молодежь, Форум социалистической молодежи, Фрит Форум, Коммунистический союз молодежи, Студентерсамфундет и Национальный совет радикальных студентов.

Эти организации выступили, например, против посылки датского наблюдателя на парламентские выборы в Сайгон, против преследования военной хунтой греческих демократов. Они организовали публичное выступление в Копенгагене одного из лидеров освободительной борьбы мозамбикского народа, президента ФРЕЛИМО Э. Мондлане, а также руководителя партии ЗАНУ, ведущей борьбу против расистского режима Смита в Родезии, Ф. Зиамби. Особенно широкий отклик нашла в Дании борьба молодежных политических организаций и групп против грязной войны во Вьетнаме. Молодежь приняла активное участие в сборе подписей под обращением к президенту США и американскому народу, в котором датчане призывали Соединенные Штаты прекратить бомбардировки Вьетнама и начать переговоры с представителями ДРВ и НФО. Это обращение, под которым подписалось более 200 тысяч датчан, было опубликовано как платное объявление (деньги тоже собрала молодежь) в «Нью-Йорк таймс» (США) и «Трибьюн» (Канада).

«Координеринген» провела в датской столице демонстрацию протеста против американской агрессии во Вьетнаме. В демонстрации приняло участие рекордное число людей — свыше 10 тысяч человек, в том числе депутаты фолькетинга, видные профсоюзные, политические и общественные деятели.

О росте политической сознательности датской молодежи говорит и тот факт, что вопреки расчетам некоторых политиканов далеко не все молодежные организации клюнули на удочку поджигателей войны, пытавшихся использовать события в ЧССР для развертывания антисоветской и антикоммунистической пропаганды. В заявлении исполкома ССДМ осуждалось, например, стремление тех, кто хотел использовать эти события для усиления НАТО и увеличения гонки вооружений.

Примечательны и другие факты, свидетельствующие о нежелании молодых датчан служить слепым орудием в руках политиканов «холодной войны». Одна из молодых кандидатов в члены фолькетинга от правящей радикальной партии, Л. Ринг, вышла 27 августа прошлого года из партии в знак протеста против политики радикалов, включившихся, по ее словам, в «антикоммунистическую и антисоциалистическую кампанию запугивания», спровоцированную НАТО.

Рост политической активности, глубокая озабоченность судьбами мира, живой интерес к уяснению политической подоплеки событий — эти качественно новые черты датской молодежи превращают ее в важный фактор, с которым вынуждены считаться те, кто имеет власть и определяет политику этой страны.

П. КУЩ

ЛОТЕРЕЯ ДЖАНЕТТ

Газета „Морнинг стар" (Англия)

«Крутится, вертится шар голубой»... и устремляется к куполу собора Святого Павла, и пропадает в пасмурном небе английской столицы.

Еще раньше воздушные шары были оплачены по цене в полкроны участниками необыкновенной лотереи.

Еще раньше у активистов английской организации «За мир во Вьетнаме» возникла идея устроить эту лотерею с использованием воздушных шаров для определения победителя.

Еще раньше телефонистка Джанетт Фрэнсис, проводившая лотерею, вступила в организацию «За мир во Вьетнаме», чтобы выполнять все поручения своих новых друзей.

К каждому из сотен шаров, выпущенных Джанетт, была прикреплена открытка с фамилией и адресом участника лотереи. Выигрыш предназначался тому, чья открытка преодолеет максимальное расстояние. Им оказался лондонский житель Билл Данкворт, получивший свою открытку из... округа Дордонь в Южной Франции от некоей Жюльетты Симоне.

Такова маленькая акция друзей Вьетнама. Но она многим помогла обрести единомышленников.

1

2

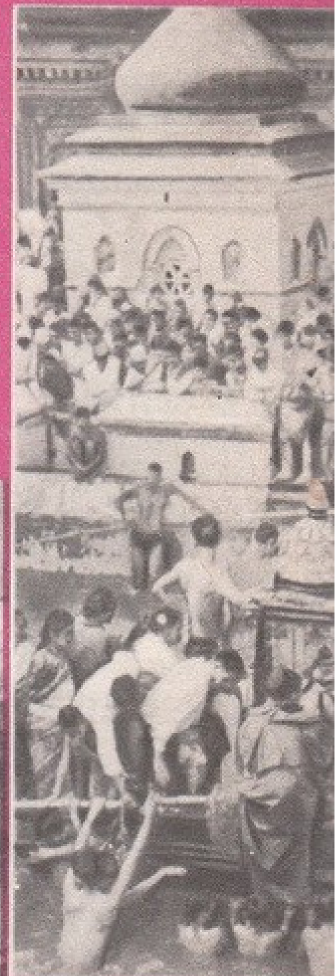
Эти снимки сделаны в столице Непала Катманду. Живое средневековье смотрит здесь на тебя из-за каждого угла.

На площади Хануман-дхока, окруженной тьмою-тьмущей древних храмов, сидит на пьедестале сам Хануман — «обезьяний бог» индуистов (снимок 1). На нем маска, необходимая мера предосторожности: по преданию, лицо Ханумана столь ужасно, что всякий, кто увидит его, немедленно погибнет.

Не часто бывает, чтобы две религии уживались друг с другом. Но вот буддизм и индуизм в Непале ужились. Индуизм даже поделился частью своих богов. Вот, например, Кала-Бхаирава (снимок 2). Этот малосимпатичный бог — одно из олицетворений Шивы-разрушителя, главной фигуры в пантеоне непальских индуистов. Но его почитают и невары, потомки коренных жителей долины Катманду, которые в боль-

13×

5

4

ТЕРРОР НА ТРИБУНАХ

Журнал „Уикенд" (Англия)

Драки с участием сотен болельщиков не такая уж редкость на стадионах Англии. Дерутся, как правило, подростки, для которых подчас не имеет ни малейшего значения результат матча. Несколько иная картина в Шотландии. Для болельщиков Глазго существенное значение приобретает сам факт, чья команда взяла верх — «Селтик» или «Глазго Рейнджерс». И поэтому в бой идут уже не какие-то недомерки, но зрелые мужи.

История этой вражды такова. «Селтик» был основан под эгидой католической церкви. «Рейнджерс» — протестантской. Стоявшие у колыбели «Селтика» дельцы отчисляли часть кассовых сборов в пользу ирландских иммигрантов. Много воды утекло с того времени, но каждый раз на матч с участием «Селтика» болельщики-католики приходят с зелено-бело-золотыми флагами, усаживаются на «свою» трибуну и распевают гимны.

В то же время сторонники «Глазго Рейнджерс» бравируют «рабочим происхождением»: когда-то в самом начале века это была команда докеров. Преисполненные гордости еще и за свою протестантскую родословную, болельщики являются на трибуны и начинают размахивать красно-бело-голубыми штандартами. У них тоже свой гимн, название которого говорит само за себя: «Не сдадимся!»

Матчи самых популярных команд превращаются в грандиозное событие. Стадион буквально осаждают десятки тысяч болельщиков, фанатически преданных своим любимцам. Страсти возводятся в «термоядерную» степень. Многие болельщики на какое-то время выключаются из суеты ежедневных дел, убогой квартирной обстановки, забывают о жизненных неурядицах. Разогревшись виски, они приходят, чтобы сорвать зло на своей футбольной оппозиции. Таким образом, «святая» вражда клубов направляется прямо-таки в уголовное русло. Драка на поле или трибуне (а нередко по принципу параллельного действия) — неотъемлемая часть зрелища в «Селтик-парке» или на стадионе «Иброкс». Уговоры, угрозы, штрафы, взимаемые с зачинщиков, бесполезны. Дело доходит до того, что наряды полицейской кавалерии устремляются вверх по террасам трибун, надеясь произвести впечатление и обуздать самых ожесточенных драчунов. Бесполезно. Масштабы потасовок все более возрастают. Стали поговаривать, что избежать всего этого можно, разве только вообще отменив матчи между «Селтиком» и «Рейнджерс».

Накануне последней игры с участием этих команд по городу пошли слухи о секретных планах полиции, разработанных с целью обуздания зачинщиков потасовок. И все-таки в конце матча 50 участников грандиозной драки были арестованы.

ГРУСТНАЯ

Журнал „Квик" (ФРГ)

«Близится крах наших школ», — заявил педагог Гайпригс из Хильдесхайма, а вице-канцлер Вилли Брандт предупредил, что опасается бунта родителей. Перечислять огрехи западногерманской образовательной системы можно без конца. Это «карликовые школы», в которых шестилетние занимаются вместе с пятнадцатилетними.

Классы, где учатся около семидесяти человек.

Школьные здания, построенные еще до 1905 года.

Школьные лаборатории, где нет самого необходимого оборудования. Учебники, переполненные устаревшим материалом. (В них есть даже стишки, напоминающие творчество нацистского поэта Генриха Лерша.)

Что же в итоге! Научно-исследовательский институт изучил преподавание математики в двенадцати странах Европы. ФРГ оказалась на 11-м месте. В Эссене дали решать задачи пяти тысячам школьников. Очень простое задание выполнили только 53 ученика — один процент.

3

шинстве своем исповедуют буддизм.

Красочная фигура индуистского полусвятого-полунищего «риши» (снимок 3) неотделима от вида непальских улиц.

В центре города, где велорикши ждут клиентов, разместились небольшие кумирни, каменные фигурки богов и демонов (снимок 4).

По случаю Гая-джантры, «дня спасения душ умерших», происходит массовое омовение в священном пруду индуистского храма в Патане (снимок 5). Такой плотности купающихся не бывает и в «бархатный сезон» на ялтинском пляже.

А вот еще одна уличная сценка: под палящими лучами солнца буддийские монахи проводят нечто вроде семинара (снимок 6).

М. ДРОБЫШЕВ

Катманду — Москва

6

ВОЙНА ГАЗЕТ

Журнал „Арена" (Югославия)

Французскую прессу лихорадит. Она меняет свое лицо. «Нуво Кандид» превратился в социально-порнографический журнал. Газета «Франс-суар» получила в дополнение «Парипресс». «Комба» переживает финансовые трудности. Прекратили существование журнал «Артс», газета «Либерасьон». До 1914 года во Франции издавалось 500 газет. Из них 50 в Париже. В 1939 году их было 83, а в Париже 32. Сегодня в провинции издается 100 газет и журналов, а в Париже... только 10.

ПРОЦЕСС РИТЫ ПАВОНЕ

Журнал „Темпо" (Италия)

Джованни Павоне, отец знаменитой итальянской певицы Риты Павоне, подал в суд на свою дочь. Он требует от Риты 200 миллионов лир (около 140 тысяч рублей) как плату за свои услуги в качестве менаджера своей дочери. Какое решение вынесет суд, пока неизвестно, но сам факт судебного разбирательства проливает некоторый свет на закулисные нравы итальянской элиты.

„ПЕНСИОНЕР № 1"

Журнал „Доокола свята" (Польша)

Покинув Белый дом, Линдон Джонсон вошел в историю США как самый дорогой пенсионер. Как бывший президент, он получает 25 тысяч долларов в год, как долголетний член конгресса — еще 24 тысячи.

РАБОЧИЙ ДЕНЬ В КАНДАЛАХ

Газета „Морнинг стар" (Англия)

Африканские рабочие в Юго-Западной Африке работают в условиях, напоминающих рабство. 45 тысяч заключенных, томящихся там в тюрьмах, используют как дешевую рабочую силу. Их подразделяют на группы «А», «В» и «С». Рабочие группы «А» и «В» живут в грязных бараках и получают по 2 шиллинга за 9-часовой рабочий день. В группе «С» — мальчики от 10 лет и старики. Они получают 10 шиллингов в месяц за то, что стерегут скот, но могут лишиться этого заработка, а заодно и жизни, если потеряют хоть одну овцу.

Журнал „Млоды техник" (Польша)

Эта огромная подушка на площади в городе Литл-Роке (США) — резервуар с водой. Он вмещает 4,5 миллиона литров воды. Воду хранят на случай засухи.

КАК БЫ НЕ СГЛАЗИТЬ

Журнал „Эль" (Франция)

Статья 603-я итальянского уголовного кодекса до сих пор предусматривает наказание тюремным заключением за «сглазивание» и «службу дьяволу». Еще недавно в Италии подшучивали над этим. Но вдруг юристы вспомнили о статье, обвинив артиста Маурицио Арена в том, что он «сглазил» княжну Марию Беатриче де Савоя. «Опутанная дьяволом», молодая княжна пожелала выйти замуж за актера.

Второй процесс — дело семьи Анжелы Бертельжуи против некоего Пульвио Парии. Сейчас 603-ю статью начинает бояться каждый влюбленный итальянец.

Доходы 40 тысяч гадалок, зарегистрированных во Франции, ежемесячно возрастают. Среди ста клиентов — 35 пенсионеров, 20 бизнесменов, 15 высших чиновников, 15 артистов, 12 клерков, 3 политических деятеля.

В Великобритании каждый третий человек читает гороскоп и навещает ворожей. Каждый десятый англичанин верит, что можно установить контакт с душой умершего человека. Эти данные были получены на основании анкеты, распространенной лондонским еженедельником «Санди таймс».

АРИФМЕТИКА

В марте прошлого года перед дверью гимназии в Роденкирхене близ Кёльна больше сотни родителей всю ночь простояли в очереди, чтобы их дети оказались в числе школьников. На 32 места записалось 185 учеников. «Где их разместить, не представляю», — сказал директор Вильгельм Геттинг.

Мы упомянули о «карликовых школах». В стране их 12 тысяч. По мнению баварских врачей, 17 процентов молодежи, кончающей такую школу, недоразвиты. В Федеративной республике дотягивают до аттестата только 6,8 процента учащихся.

Полная средняя школа предназначена для высших сословий; неполная — для среднего класса; народная школа, так сказать, для плебеев. Решение о дальнейшем обучении ребенка принимается в десятилетнем возрасте после специальных экзаменов. Такая система лишает возможности получить высшее образование большинство способных детей из рабочих и крестьянских семей.

ИСТОРИЯ ОДНОГО

Перуанский министр внутренних дел и полиции Хавьер Ариас Стенья был зол как черт. Он относился к тому сорту людей, которые бывают в прекрасном и веселом настроении только после того, как сделают неприятность другому. Стоило кому-нибудь пошутить над ним или посягнуть на его положение, как со дна его души поднимались самые дикие инстинкты, которые он называл «естественными инстинктами самосохранения» и которые он обращал против человека и преследовал его до тех пор, пока не сваливал. И если в один прекрасный день он становился любезен, приветлив и по-дружески пожимал руку своему противнику, это был верный признак, что он подложил ему свинью. Его качества были замечены еще раньше, когда он был министром здравоохранения, и поэтому Ариаса сделали министром полиции в правительстве президента Фернандо Белаунде Терри. Невысокий, черноволосый, с маленькими черными глазами, аккуратно причесанный, в безукоризненном темном костюме с двумя разрезами сзади и в ослепительно белой рубашке, он стоял в своем огромном кабинете и мрачно смотрел в окно на тихую улочку, примыкающую к министерству. Его терзали две заботы.

Министр только что вернулся из президентского дворца, где на секретном совещании ему поручили важную и щекотливую задачу.

Дело в том, что в последнее время престиж правительства упал очень низко. Всего за несколько лет 17 премьер-министров и правительств ушли в отставку, а положение продолжало ухудшаться. Если недавно завтрак в баре стоил около 30 солей, то сейчас вдвое дороже. Во время предвыборной кампании президент Белаунде обещал народу провести реформы и облегчить экономическое положение. Но, став во главе государства, забыл обещания и принялся проводить репрессии, чтобы подавить движение народа за улучшение жизни.

Единый фронт левых сил, в котором важную роль играют коммунисты, на дополнительных выборах получил свыше ста тысяч голосов. Если дело так пойдет дальше, фронт нанесет поражение правящей партии. Поэтому на тайном заседании кабинета министров Ариасу было приказано нанести удар по главной силе фронта: коммунистам. Полиции предстояло «разоблачить коммунистический заговор», обвинить компартию в «терроризме», «бандитизме», арестовать ее видных руководителей, очернить их и тем самым поднять престиж правительства как защитника «свободы и демократии». Правящие круги хотели провести эту операцию тонко и хитро, чтобы не разоблачить себя в глазах собственного народа и всего мира. Ведь все реакционные и диктаторские режимы в Перу отличались именно тем, что преследовали коммунистов.

Шеф полиции считал это дело «черновым» и «неблагодарным», потому что враги всегда могли обвинить его в репрессиях.

Но сейчас больше всего злил Ариаса случай с крупной партией кокаина, захваченной людьми начальника национальной разведки Хосе Бенавидеса, его заклятого врага.

— Каналья! — Ариас вслух выругал своего офицера Родригеса. Недавно министр подверг этого проштрафившегося офицера дисциплинарному взысканию, а тот обиделся и в отместку сделал заявление корреспондентам газет, находившихся под влиянием Бенавидеса. Родригес заявил, что министр Ариас — «клеветник», «мошенник» и «чистой воды уголовник», что по нему давно тюрьма плачет и что он превратил министерство внутренних дел и полиции в центр контрабанды, которая идет через аэропорт Кальяо. И если сейчас, добавил он, съездить в аэропорт, то можно увидеть, как из самолетов выгружают контрабанду, на которой наживается министр.

Контрабанда действительно много лет подряд шла через Кальяо. Это было крупное и хорошо поставленное дело. Во главе его стоял сам Ариас. Оно давало 40 миллионов солей в месяц. Львиная доля доходов шла ему и нескольким другим министрам. Остальное делилось между некоторыми начальниками отделов и прочими соучастниками. Враги Ариаса знали об этом, но им ни разу не удавалось накрыть контрабандистов. Когда люди Бенавидеса приезжали, пакеты уже лежали в надежном месте. После рассказа Родригеса они тотчас же бросились по следу и накрыли крупную партию контрабанды.

Враги ликовали. Они развернули шумную кампанию против полиции. Хотя имя министра не упоминалось, Ариас не сомневался, что сейчас они раздувают дело и в конце концов обвинения во всем предъявят именно ему. Эти завистники, шептавшиеся о его виллах с бассейнами, шикарных автомобилях и счетах в швейцарских банках, теперь открыто кричали о «падении морали» в полиции, «коррупции», «чудовищном беззаконии», «убийствах невинных людей» и «кровавых репрессиях против многострадального народа». В конгрессе была создана специальная следственная комиссия. Депутаты требовали сместить всех офицеров полиции. Армейские автоматчики охраняли их на работе и дома.

Ариас понимал, что за дело взялись серьезно, очевидно решив на этот раз убрать его и поставить вместо него своего человека.

— Каналья! — Ариас сжал кулаки и зашагал по кабинету.

Он нисколько не заблуждался на тот счет, что если враги победят, то ему нельзя ждать ничего хорошего: придется гнить где-нибудь в перуанском посольстве в Парагвае, пока новый скандал не затмит этот. В мечтах министр видел себя президентом. Он не раз представлял, как поднимается по белой лестнице правительственного дворца на площади Пласа де Армас, построенного еще испанским завоевателем Франсиско Писарро.

— Ну, мы еще посмотрим! — пробурчал он. В его руках страшная мощь полицейского аппарата, натренированного американскими советниками не только вынюхивать и подслушивать, но и убирать людей с помощью тонких интриг, преследований, давления, шантажа и прямых убийств. Человека можно арестовать и держать без суда и следствия до конца жизни или упрятать в сумасшедший дом навечно после «тщательного медицинского» освидетельствования.

Ариас приказал создать невыносимые условия для деятельности парламентской следственной комиссии. Анонимные звонки по телефону и письма с угрозами депутатам и их семьям, ночные обстрелы их домов из быстро проезжающих машин, хищение документов — все это пока затормозит работу. Теперь самое главное — заткнуть рот прессе. Для этого нужна была сенсация, которая отвлекла бы «общественное мнение» от контрабанды. Но сколько он ни думал, ничего не приходило на ум, кроме старого, но испытанного средства: разоблачения «заговора». «Коммунистический заговор» заставлял запеть в один голос даже, казалось бы, самых «заклятых» противников в буржуазном стане.

Он вызвал секретаря и приказал пригласить к нему начальников следственного и уголовного отделов. Неизвестно, о чем они совещались. Но об этом не трудно догадаться по событиям, которые развернулись на следующий день.

В этот день в нескольких районах Лимы раздались взрывы. Они никому не причинили вреда, но наделали много шуму, особенно на страницах реакционных газет. Радиостанции и телевизионные компании приводили длинные высказывания полицейских офицеров о «волне террора», «развязанном коммунистами», чтобы вызвать «насилия» в стране. Они давали понять, что настало время положить конец этому и «суровой рукой» покарать «экстремистов» и «бандитов» и спасти устои «свободного и демократического» общества. Вечером того же дня полицейские машины остановились у редакции коммунистической газеты «Унидад». Жандармы вошли в помещение, которое всегда было открыто и доступно, конфисковали весь тираж, разбили станки и мебель, забрали деньги из сейфа, архив, важные документы, пишущие машинки, радиоприемники и приглянувшиеся авторучки. Заранее вызванные репортеры щелкали фотоаппаратами. Офицер, руководивший погромом, охотно пояснял, что «благодаря своевременной и эффективной операции» удалось ликвидировать «опасный и широкий заговор против правительства», который готовили коммунисты. Они использовали помещение газеты для разработки плана переворота и хранения оружия, взрывчатки и подготовки террористических актов. Правда, журналистам не показали ни «захваченного» оружия, ни «взрывчатки», но фотографии разгромленного помещения все же появились на первых полосах газет.

Налеты на прогрессивные газеты и организации совершались не только в Лиме, но и в Куско, Тумбесе, Пуно и других городах.

На следующее утро журналистов пригласили за город. Неподалеку от Лимы, на хлопковом поле, им показали убитого двадцатилетнего революционера Хесуса Лопеса Чириноса. Полицейский офицер, показывая прутом на труп, сказал, что власти больше месяца разыскивали этого человека. Они организовали настоящую охоту, в которой приняли участие тысячи агентов и даже солдаты армии. Рядом с изрешеченным пулями телом лежали деньги — 350 тысяч солей.

— По мнению наших экспертов, — сказал офицер, — Хесус Лопес был убит бандитами-коммунистами во время ссоры, вспыхнувшей из-за денег, которые они украли в банке Магдалены дель-Мар. Деньги предназначались на финансирование заговора против правительства и народа.

Рис. В. Кириллова

— Сеньор офицер, — поинтересовался один из журналистов, — а почему нигде нет следов крови?

Офицер замешкался.

— Очевидно, его убили в другом месте и перевезли сюда, чтобы спрятать на хлопковом поле... На этом, сеньоры, мы закончим пресс-конференцию. Спасибо за внимание.

Журналисты разъезжались с неопределенным чувством. Дураку было ясно, что Чириноса убили не из-за денег. Но кто и зачем?

Ариас был доволен: все шло по плану. В парламенте депутаты и сенаторы произносят речи, разоблачающие «заговорщиков». Кажется, все забыли о кокаине...

И вдруг улицы огласились криками мальчишек:

— Сенсация! Сенсация! Правда об убийстве Чириноса! Показания крестьянина с хлопковой плантации! Полицейский репрессивный план разоблачен!

На этот раз они разносили не газеты, а листки, отпечатанные на гектографе, и совали их в руки прохожих.

Листовки разбрасывали из «фольксвагенов», разносили мальчишки, молодые рабочие и студенты. Их бросали в проезжавшие автобусы, с крыш домов, на автобусных станциях и на железнодорожных вокзалах.

Коммунисты провели огромную работу. Они облазили город и окрестности и нашли свидетелей: парень и девушка видели, как подъехала крытая полицейская машина, видели, как из нее вынесли тело и бросили на хлопковом поле. Более того, молодые рабочие записали рассказ водителя машины, который поведал своему приятелю полицейскому, как произошло убийство Чириноса.

Так была разоблачена грандиозная, тайно задуманная провокация против компартии и народа.

Ее исполнитель, министр внутренних дел и полиции Хавьер Ариас, все еще занимает свой пост.

А. КОЗЛОВ

ПИСЬМА МАХИТО

«Комбан-ва-а-а!» — с вежливым поклоном пропел свое обычное приветствие старый Ямагучи-сан. «Комбан-ва!» — кланяюсь в ответ хозяину деревянного домика. Обычно этим и заканчивается несложный ритуал встречи. Но на этот раз, распахнув легкие створки «седзи», старик приглашает в дом: «Вас дожидается молодой гость!»

Недоумевая, кто бы это мог быть, я вошла и увидела незнакомого юношу, почти мальчика, в темной школьной тужурке.

— Здравствуйте, товарищ! — сильно волнуясь, он шагнул мне навстречу. — Я очень любить русский! Я любить товарища Ленин! — и протянул книгу Ленина «Что делать?».

Так я познакомилась с Махито Такахаси. На хорошем английском языке («Я хожу в частную гимназию, и мы учим английский») он объяснил, что ему недавно исполнилось шестнадцать и что три года он серьезно интересуется Советским Союзом. «Ваша страна идет, как крейсер, едва успеваешь следить за ее успехами. Мой идеал — Владимир Ильич Ленин», — торжественно произнес он и достал из кармана фотографию. Это была далеко не совершенная фотокопия известного ленинского портрета.

И я услышала историю, которая произошла несколько лет назад в токийском порту Харуми.

В те знойные августовские дни в Токио проходила первая в Японии советская промышленная выставка. Газетные репортеры, которые с утра до ночи «паслись» у павильонов, вели скрупулезный учет числа «паломников в Харуми», но вряд ли в их счет попал двенадцатилетний мальчуган, который несколько дней подряд как завороженный часами простаивал у макета атомного ледокола «Ленин». Наконец, набравшись смелости, он спросил советскую девушку-переводчицу: «Скажите, пожалуйста, какие есть книги о Ленине...»

А дальше произошло событие, совершенно невероятное для семьи «уважаемого адвоката Такахаси». Его внук, скромный, робкий Махито, посмел признаться незнакомому человеку из России: «Все, что дома мне говорили о России, — это ложь. Ваша страна замечательная, и я буду ее изучать».

...В тот вечер мои запасы московских сувениров сильно поубавились. Самый большой восторг вызвал у него альбом с видами Москвы. В порыве благодарности Махито снял с фуражки школьную эмблему и подарил мне. Этого ему показалось мало. И тогда он протянул мне темную, с четырехгранной дыркой посередине монетку, родившуюся примерно за три века до нашей встречи.

Через несколько дней я получила от него письмо. Махито благодарил за подарки и рассказывал, что у себя в комнате развесил по стенам фотографии космонавтов и что все ящики его письменного стола уже заполнены советскими книгами и журналами. В конце следовала приписка о том, что он начал учить русский и следующее письмо постарается написать по-русски.

Признаться, я не ожидала, что через два месяца буду читать его первое «русское письмо». «Дорогой товарищ! — писал Махито. — Да здравствует Октябрьская социалистическая революция! Сторонникам мира — ура! Мы — любить СССР! Мой папа — Владимир Ильич Ленин. Мой мама — коммунизм, мой брат — все коммунист, по причине вы и я — дружба. Я любить не сегодня Япония, я любить социалистическая Япония без янки. Мы будем тормозить заход в Япония американская подводная лодка!»

Письмо заканчивалось рисунком, изображающим атомную бомбу под могильным холмом, а сверху, чтобы было понятно, чья это могила, он перечислил: «империализм, милитаризм, фашист, агрессор».

Из его писем я узнавала, что Махито прочитал «Тараса Бульбу» и посмотрел фильм «Гамлет», что его любимая песня «Подмосковные вечера» и что он стал носить в гимназию книги и журналы о Советском Союзе, потому что «мои товарищи больше знают про янки и мало про СССР».

Так началась наша переписка.

Когда на космическую трассу вышли трое наших богатырей, почтальон принес письмо в сплошных восклицательных знаках: «Да здравствует мирный корабль «Восход»! Да здравствуйте товарищи космонавты! Слава! Радостный новость. Благодарю вас! Мирный СССР — ура!»

Незадолго до моего отъезда из Японии Махито Такахаси снова постучался в дом Ямагучи-сан. Он казался ничуть не повзрослевшим, будто и не минуло года с той нашей первой встречи. По-прежнему робея, он опустился на циновку — татами и за чашкой зеленого чая рассказал о том, о чем никогда не писал.

Отец посрывал со стен фотографии. Он вышвырнул из письменного стола книги и пригрозил сыну: «Если не выбросишь эту чепуху из головы, выгоню из дома!» Он кричал, что только слепцы не видят, что русские — враги истинной демократии, и ругал «красных» учителей, из-за которых молодежь, вместо того чтобы думать о славе нации, рассуждает о социализме.

В гимназии, где учился Махито, многие ребята, особенно те, кто занимался в химическом кружке, интересовались Советской страной. «Правда, некоторые ошибались и вроде меня думали, что Россия — это отсталая страна, но Гагарин-сан заставил их «прозреть». И когда он приезжал в Японию, я и другие ребята из нашего класса целый день простояли на улице у гостиницы, чтобы только его увидеть!»

Однажды учитель предложил тему для сочинения — «Кто твой идеал?». Разные имена попали в ученические тетрадки: Джон Кеннеди, Бетховен, популярный эстрадный певец Кю Сакомото, миллионер Мацусита, принцесса Мичико, Жолио-Кюри. А внук адвоката Такахаси написал, «что не знает жизни более достойной и благородной, чем жизнь русского Ленина».

— Что же будет теперь, когда дома узнают об этом?

Он пожал плечами:

— Все равно я теперь уже не могу изменить себя.

...Махито Такахаси и сейчас пишет мне письма. «Я очень страдаю, — както написал он. — Я хочу поступить в университет, но отец ставит условия. Он говорит, что я должен «бросить всю эту красную чепуху», тогда он даст мне деньги на учение. Я, конечно, не согласился».

Немного спустя Махито написал: «Я победил в споре с отцом и теперь учусь на подготовительном отделении в университете Токай. Если на будущий год мне удастся поступить на первый курс, то я стану инженером-строителем».

В другом письме из Токио говорилось: «У меня появился новый друг. Он кореец и получает стипендию от Корейской Народно-Демократической Республики. Недавно мы с ним вместе ходили на демонстрацию против янки. Наш долг бороться за мир... Я вступил в Общество японо-советской дружбы и здесь изучаю русский язык. Я уже прочитал «Анна Каренина», «Рудин», «Тихий Дон», «Дама с собачкой», «Дядя Ваня», очень хочу прочитать «Как закалялась сталь».

Недавно я узнал, что 5 мая — день советских газет, у нас такого праздника нет. 5 мая Япония празднует День мальчиков. Над каждым домом, где есть мальчик в семье, на высоких шестах поднимаются «коинабори». Это такие большие рыбы, сделанные из материи или бумаги. Я очень люблю праздник «коинабори». Пусть будут детские праздники, пусть будет синее прекрасное небо и не будет войны. Я слушаю радио, читаю, что пишут газеты о Вьетнаме. Янки варварски бомбят эту страну. Я очень люблю вьетнамский народ и отослал в фонд борьбы свои сбережения, хотя их было, конечно, совсем мало...»

Н. ЦВЕТКОВА

Это глава из книги «Япония без кимоно», которая выходит в издательстве «Молодая гвардия».

Жизни теплая рука

Май

Горстями вынимает май
цветы из черного цилиндра.
Кольцо бульваров, зеленея,
в объятья Краков заключило.
Там стройная, красивая дивчина
горстями вешает улыбки
на ветки темные деревьев,
и все становится нежнее
и зеленее.
Мужчины просто столбенеют,
и птицы замолкают в изумленьи,
а дождь так загляделся,
что упал,
приняв глаза ее за небо.

Всякий раз, когда хочется жить, я кричу.
Когда жизнь покидает меня,
к ней припадаю всем телом,
повторяю: «Жизнь моя! Жизнь!
Не уходи так рано!»
Жизни теплая рука — в моей руке,
мои губы обжигают ухо Жизни,
и шепчу я: «Жизнь!»
Будто жизнь — любимый,
что, разлюбив,
меня бросает.
Вешаюсь на шею,
кричу:
«Не уходи! Умру!»

Пришла в мой дом поэзия,
как замерзший аист.
Я в тревоге — что с ней случилось?
Отвечает она:
«Я уже прирученная.
Дай попить молочка на милость».
Не кормлю я поэзию досыта,
не верю опущенным крыльям
этой печальной птицы,
ибо знаю — они по весне
расцветут, как земля, и на них
она из дому ввысь устремится.

●

Захочешь уйти от меня —
не забудь улыбнуться.
Можешь шляпу забыть, перчатки
или блокнот с адресами:
за ними придется вернуться.
А вернувшись, меня ты застанешь в слезах —
и уже не покинешь.
Захочешь остаться —
не забудь улыбнуться.
Можешь забыть день моих именин,
сквер, где меня целовал впервые,
повод для нашей первой размолвки,
но уж если ты хочешь остаться,
не вздыхай тяжело,
улыбнись
и останься.

Маргаритки

Им было восемнадцать лет, не больше,
сестра их утром принесла
еще слепых, окутанных туманом.
А в полдень
им было уже тридцать,
и были широко открыты
их золотистые глаза,
и распростертые листочки
не помещались в вазе.
А когда вечер наступил,
пришлось мне выбросить, как мусор,
малюсенькие чахлые былинки.

Рис. Н. Верховской

Халина Посвятовская любила жизнь и жила страстно, неукротимо, безудержно.
У нее была тяжелая болезнь сердца. Но после трудной операции она нашла в себе силы
окончить Ягеллонский университет в Кракове,
получить степень магистра философии, изучать иностранные языки
и переводить
французских, американских, югославских поэтов, работать над докторской диссертацией.
Ее стихи,
составившие несколько сборников,
поражают силой художественной выразительности, оригинальностью и чистотой.
Несправедливо приговоренная судьбой к царству тьмы,
она оставила после себя яркую полосу света: поэзию капель росы,
рассыпавшихся по волосам,
поэзию былинки на ладони,
поэзию облака и птицы.
Халина умерла в 1967 году в возрасте 32 лет.
Ее смерть — тяжелая утрата для молодого поколения польских литераторов.
Стихи, которые мы печатаем, переведены с польского ее другом Владимиром Честным.

В нашем журнале работает отдел «Отвечаем на все вопросы». Вопросы о жизни молодежи за рубежом принимаем по почте и по телефону 290-36-55.

ОТВЕЧАЕМ НА ВСЕ ВОПРОСЫ

1 Расскажите об объединениях государств Центральной Африки.

Р. СОБОЛЕВА
г. Нижний Тагил

2 Какие книги выйдут в новом году в серии «Ровесник шагает по планете»!

К. БЕЛЯКОВА
г. Орел

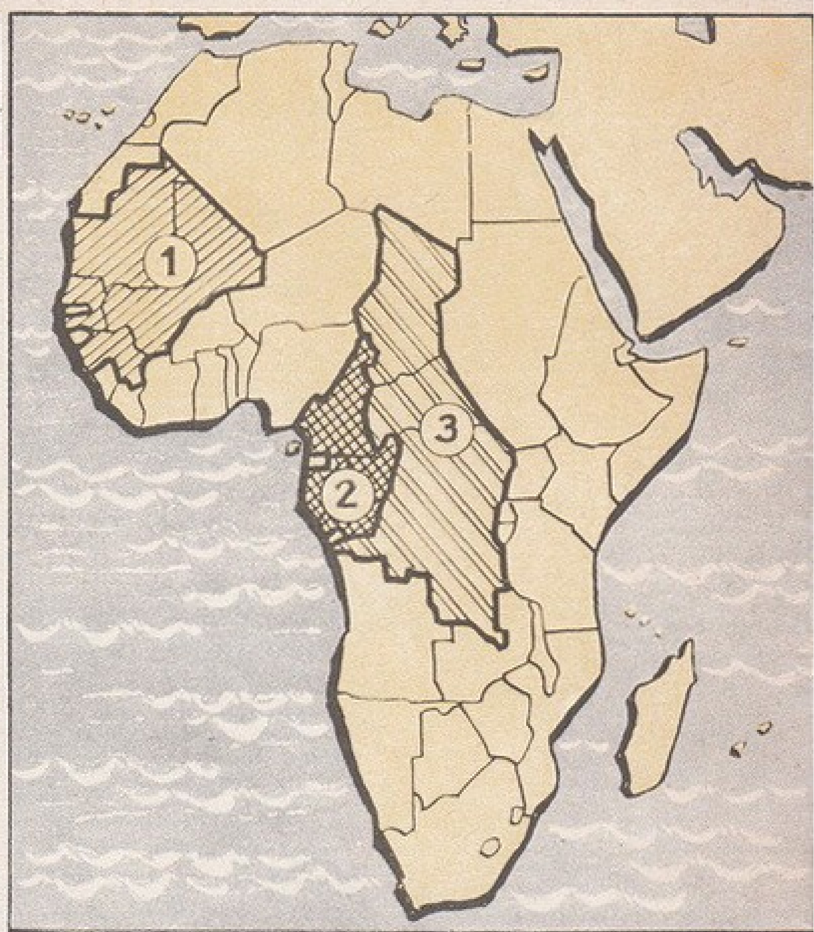
3 Напишите, пожалуйста, о негритянском певце Гарри Белафонте.

В. ГОЛИКОВ
г. Мурманск

4 Когда и где впервые возникла традиция проводить чемпионаты мира по хоккею с шайбой!

В. МАРЬИН
г. Кишинев

1 Отвечает корреспондент ТАСС в Центральноафриканской Республике Б. ФЕДОРОВ

Посмотрите на карту Африки. Границы многих государств проложены, как по линейке. По своей прихоти колониальные чиновники искусственно разделяли народы, создавали новые страны. Вот как, например, появились два государства Конго. В конце прошлого столетия при разделе территории бассейна реки Конго столкнулись интересы Бельгии и Франции. Колонизаторы мирно поделили добычу. В результате на карте появились два Конго. Теперь африканские народы хотят восстановить исторически сложившиеся связи, нарушенные колонизаторами. Кроме того, перед молодыми государствами встали экономические проблемы, которые легче разрешать в союзе с соседями.

Идея создания экономического и политического объединения государств в Центральной Африке зародилась еще в период колониального господства. В середине 50-х годов первый президент ЦАР Боганда ратовал за создание на развалинах французской колониальной империи Соединенных Штатов Латинской Африки. Планам Боганды не суждено было сбыться.

После получения независимости страны Центральной Африки несколько раз пытались создать региональный союз государств, связанных между собой экономически и географически. Наконец в июне 1961 года в Банги была подписана конвенция, регулирующая таможенные и экономические связи между Конго (Браззавиль), Габоном, Чадом, ЦАР и Камеруном. Комиссия из представителей этих стран после четырех лет дискуссий выработала проект договора о создании Таможенного и экономического союза Центральной Африки (ЮДЕАК), который вступил в силу 1 января 1966 года. (На карте ЮДЕАК обозначен цифрой 2.) Казалось бы, идея экономического и политического сотрудничества государств Центральной Африки нашла свое реальное воплощение. Однако практика показала, что континентальные страны ЦАР и Чад оказались в невыгодном положении. Президенты ЦАР и Чада не раз высказывали свою озабоченность, что их партнеры по союзу не вносят ежегодных взносов в фонд солидарности. (Через этот фонд ЦАР и Чад должны были получать помощь, компенсирующую их колоссальные транспортные расходы по вывозу продуктов экспорта. Эти страны удалены от океанских портов.) Кроме того, обычно промышленные предприятия строились в Габоне, Камеруне и Конго (Браззавиль), где есть выход к океану и строительство значительно дешевле. Эти причины заставили руководителей ЦАР и Чада, по их словам, пересмотреть свое членство в ЮДЕАК. Но Габон, Камерун и Конго (Браззавиль) заявили, что с выходом ЦАР и Чада Таможенный и экономический союз Центральной Африки не прекращает своей деятельности.

Существуют и другие региональные объединения африканских стран. Сенегал, Мавритания, Гвинея и Мали образовали Организацию государств бассейна реки Сенегал (на карте — цифра 1).

2 апреля 1968 года президенты Конго (Киншаса), ЦАР и Чада подписали хартию Союза государств Центральной Африки (ЮЕАК) (3). Они решили создать общий рынок государств Центральной Африки, проводить единую политику в области индустриализации, координировать планы экономического развития, сотрудничать в области культуры и безопасности. Но и в этом союзе слишком неравные экономические возможности у стран-участниц. Если в ЦАР и Чаде промышленные предприятия можно пересчитать по пальцам, а в сельском хозяйстве мотыга — основное орудие производства, то Конго (Киншаса) имеет сравнительно развитую экономику.

Правда, руководители ЦАР и Чада рассчитывают с помощью своего партнера сдвинуть с места национальную экономику. По их мнению, в значительной степени незагруженные производственные мощности Конго (Киншаса) будут использоваться для переработки сельскохозяйственных продуктов ЦАР и Чада. Чад, например, будет поставлять на конголезский рынок, насчитывающий около 30 миллионов потребителей, продукты животноводства, развитие которого сдерживалось спросом. Восемь цементных заводов Конго (Киншаса) обеспечат потребности ЦАР и Чада в цементе, который они вынуждены привозить из Европы за большие деньги. И главное, соединив в единую сеть транспортные коммуникации трех стран, ЦАР и Чад получат выход к океану. Хартия предоставляет некоторые преимущества в области индустриализации и размещения капиталов находящимся в неблагоприятных географических условиях ЦАР и Чаду.

Таковы были планы. Однако в конце прошлого года ЦАР вышла из Союза государств Центральной Африки и снова присоединилась к ЮДЕАК.

2 Отвечает заместитель главного редактора издательства «Молодая гвардия» В. МИЛЮТЕНКО

Часто в издательство «Молодая гвардия» приходят объемистые пакеты, обклеенные пестрыми иностранными марками. По телефону сообщают, что с самолетом или диппочтой для нас прибыл пакет из Токио или Нью-Йорка, Каира или Монреаля. Мы всегда рады этим звонкам: значит, доставлена еще одна рукопись для серии «Ровесник шагает по планете».

По долгу службы правдисты и известинцы, корреспонденты АПН и «Комсомольской правды» находятся далеко за рубежами нашей Родины. А в короткие отпуска или командировки в Москву они спешат к нам, чтобы прочитать корректуры или подписать в печать верстки своих новых книг (смотри 4-ю страницу обложки этого номера).

О чем же рассказывают наши авторы? «Ваш специальный корреспондент встречался...» — так назвал книгу своих репортажей и интервью Генрих Боровик, корреспондент АПН в Нью-Йорке.

За свои 38 лет Боровик побывал в 38 странах мира. В книге он собрал лучшее из своей репортерской коллекции.

О другом пишет Юлий Оганисьян в книге «Галерея тиранов». Этот памфлет клеймит диктаторов Франко и Салазара, Форстера и Дювалье, сайгонских марионеток и сеульских подпевал империализма. Автор показывает их истинное лицо, их преступления перед человечеством.

С удостоверением газеты «Сельская жизнь» журналист Леон Баграмов исколесил вдоль и поперек Канаду. И в своей книге «Листья падают с клена» он спешит познакомить читателей с жизнью тонущего по вечерам в огненной рекламе Монреаля и квебекской деревни, где ютится нищета, с думами безработного и образом жизни индейцев.

Книга за книгой в едином оформлении спешит к читателю серия «Ровесник шагает по планете».

Сборник «Огни далеких городов» — это диалоги ведущих журналистов с отцами и детьми 15 столиц мира.

А на редакторском столе новые рукописи. О чем они? Такие секреты раскроют сами книги, которые хранят тайны до первого свидания с читателями.

3 Отвечает музыковед А. ВОЛЫНЦЕВ

Есть художники, для которых творчество немыслимо без общественно-политической деятельности. У нас в стране хорошо известны греческий композитор, мужественный борец за демократию Микис Теодоракис, американский певец Дин Рид. Художником-борцом можно назвать и негритянского артиста Гарри Белафонте, прозванного у себя на родине «королем калипсо». Без его участия редко обходятся митинги в защиту мира, расового равенства, борющегося Вьетнама. Это он возглавил демонстрацию мусорщиков Мемфиса, заменив убитого Мартина Лютера Кинга.

Белафонте родился в 1927 году в нью-йоркском Гарлеме, его детство прошло на солнечной Ямайке, отрочество — снова в Гарлеме. Юношей он перепробовал множество профессий: был строителем, слугой, конторским клерком, матросом, поваром.

Однажды девятнадцатилетнему Гарри отец отдал билет в негритянский театр. Спектакль потряс Белафонте. Он становится в этом театре рабочим сцены без всякой платы, заменяя при случае исполнителей маленьких ролей. Актеры обнаруживают у него талант, сценический и вокальный, и вскоре он исполняет крупную роль в одной из драм Юджина О'Нила.

Свое сценическое мастерство Гарри Белафонте совершенствует в театре «Драматик уоркшоп», руководимом Эрвином Пискатором. Позже он изучает драматическое искусство в знаменитой нью-йоркской Студии актера, где работает над обширным кругом образов от Шекспира до Сарояна. Чтобы оплатить занятия, он поет в различных кафе.

В джазовом клубе «Ройал руст» Белафонте с успехом исполняет популярные песни, но вскоре осознает, что музыкальный бизнес с его грязью и подлостью не для него. После мучительных раздумий, продолжавшихся почти год, он решает посвятить себя народной песне. Артист исполняет песни многих стран и жанров, но наибольшей популярностью в его репертуаре пользуются песни Республики Тринидад, слышанные им в детстве. В честь острова в Карибском море он назвал эти песни «калипсо».

Талант, мастерство и самобытность берут свое. Несмотря на черный цвет кожи, Белафонте становится самым высокооплачиваемым в Америке певцом. Даже в годы царствования рок-н-ролла случалось так, что из десяти самых популярных пластинок сезона пять приходилось на долю Белафонте, а одна — на долю Эльвиса Пресли.

Заработанные деньги дают ему возможность основать академию музыки и драмы, в которую открыт вход как неграм, так и белым. Сам же он пробует силы на поприще кино и добивается успеха. Он вошел в историю Голливуда как первый негритянский актер, которому было разрешено любить на экране белую девушку. (Кинофильм «Берег в солнечную погоду».) Он становится кинорежиссером и первым в Америке кинопродюсером-негром.

Песни Белафонте — настоящие произведения искусства. Они исполнены драматизма и лирики, мелодической пластики и тонкого ритмического чувства. В своих концертах артист щедро использует световые эффекты, привлекает вокальные и танцевальные ансамбли.

Сейчас Гарри Белафонте вместе с Эрзой Китт, Марлоном Брандо, Полом Ньюменом, Нэнси Синатра и другими американскими артистами участвует в съемках документально-художественного фильма о марше на Вашингтон.

4 Отвечает аспирант ВНИИ физической культуры В. СОКОЛОВ

Чем привлекает хоккей с шайбой молодых и немолодых людей? Посмотрите первую страницу обложки этого номера, и вы поймете. Это темпераментность, стремительность, возможность соревноваться в силе, ловкости, быстроте. А может быть, чувство локтя, сознание своей необходимости для команды! Сказать трудно. Во всяком случае, на ледяные площадки мира ежедневно выходят миллионы любителей хоккея. А скольким зрителям доставляет наслаждение игра красок, азарт борьбы, столкновение характеров...

Хоккей с шайбой зародился в Канаде, причем «первооткрывателями» стали английские солдаты, квартировавшие тогда в этой стране. Долгая зима, множество рек и озер способствовали расцвету этой игры в «стране кленового листа».

1866 год для хоккея с шайбой знаменателен: появились первые официальные правила, на ворота натянули сетку, и стали проводиться международные встречи.

В Европу хоккей «прибыл» в начале нашего века. На катках Давоса выступили «оксфордские канадцы» — студенты из Канады, обучающиеся в Оксфордском университете. Очень долго европейские команды проигрывали канадцам, причем со счетом нередко двузначным. Встреча некоронованных чемпионов мира — канадцев с сильнейшей командой мира — чехами в 1920 году закончилась со счетом 15 : 0, а в 1924 году — 30 : 0 в пользу канадцев. Но это не отбило интереса к новой игре. В Англии, Германии, Швеции возникли хоккейные клубы, были созданы национальные ассоциации. Чемпионатов мира в то время не было, представительных международных турниров тоже, но фаворитом номер два считалась команда США, поскольку в этой сборной выступали в основном игроки из Канады.

К 1930 году хоккей с шайбой завоевал себе поклонников во всем мире. Стали проводиться чемпионаты мира, а в годы олимпиад чемпионы игр становятся и первыми в мире мастерами.

Хоккей в СССР молод — ему двадцать лет. Но и в годовалом возрасте его силу испытал прославленный пражский клуб ЛТЦ, костяк которого составляли спортсмены — обладатели серебряных олимпийских медалей. Общий счет трех матчей новичков и асов оказался не в пользу последних: 10 : 11.

На чемпионате мира 1954 года советские спортсмены впервые встретились с родоначальниками хоккея — канадцами. Исход встречи 7 : 2 в пользу СССР был спортивной сенсацией. Советские хоккеисты завоевали звание лучших игроков мира. С 1963 года они владеют им безраздельно.

И вот в стокгольмском спортивном дворце «Юханнесхоф» матчем хоккеистов Канады и Чехословакии начнется очередной чемпионат мира и Европы. Первенство мира и Европы 1969 года впервые будет разыграно среди шести, а не восьми сильнейших команд, и притом в два круга, что, безусловно, усложняет задачу претендентов на высшую ступень почета. Мы тоже сможем «присутствовать» на баталиях «большой шестерки», сидя у экранов телевизоров.

У меня с Серафино сложились такие отношения, которые бывают между друзьями, когда ни у того, ни у другого нет девушки: к дружбе примешивается желание досадить друг другу. Серафино бесцеремонно критиковал меня, я его, хотя моя безобидная критика не шла в сравнение с его неистовым злорадством.

Думаю, что причиной нападок Серафино была мстительность, чувство вполне объяснимое: я был богат, он — беден; я обладал нормальной внешностью и даже более чем нормальной, он был маленький, щуплый, с тонкими ножками, ручками и огромной головой. Лицо у Серафино было как луна: круглое, холодное, бледное; на лице — два больших глаза навыкате, блестящих и невыразительных, глядевших как бы из другого мира, без жалости и понимания. Глаза нацеливались пристально и тускло, а из щели маленького рта сыпались едкие замечания. Зато он был умен или по крайней мере таким казался; я восхищался его умом, и мне в голову не приходило прекратить нашу дружбу.

Каждый день, сразу после завтрака, я спешил уйти из дому и отправлялся на машине из Париоли, где жил я, в Монтеверде

кошка и собака

Нуово, где жил он. Я останавливался у его громадного некрасивого дома, нажимал на клаксон и ждал, когда в дверях покажется его невзрачная фигура. Так начинался наш день, и так начинались мои страдания.

Эти страдания, надо заметить, были известны Серафино, и он пользовался ими, чтобы вызвать другие, еще более тяжелые.

Однажды после обеда мы сидели в баре, дожидаясь открытия ближайшего кинотеатра. Я заметил, что Серафино разглядывает меня точно марсианин, только что прибывший на Землю, и понял, что он собирается сказать какую-то гадость. Я не ошибся.

— Знаешь, Гаспаре, — внезапно произнес он, — почему из нас двоих ты всегда в худшем положении, почему ты мучаешься и терпишь это?

Я запротестовал:

— Ну зачем говорить о таких вещах? Мы спокойно сидим здесь, в баре, и ждем, когда откроется кино. Прекрасный день, на улице солнце, все тихо, мирно... И вдруг ты начинаешь...

— Нет, все-таки ты скажи мне, почему ты всегда потерпевшая сторона?

— Во-первых, это неправда. А если и правда, то меня это просто не интересует.

— А я тебе все равно скажу. Ты потому всегда в проигрыше, что из нас двоих ты — собака, а я — кошка.

— Ну при чем тут зоология?

— Что делает собака? Бросается к людям, буянит; она экспансивна, легко возбудима, порывиста. Кошка же держит людей от себя на расстоянии, созерцает. Вот в чем разница между тобой и мной.

Ну до чего ж коварен! Стоило ему сказать это, и я возненавидел собак и тоже захотел быть кошкой.

— С чего ты взял, что я похож на собаку?

— Ты так ведешь себя. Иногда мне хочется свистнуть тебе или посмотреть, нет ли у тебя ошейника.

— Ну вот, теперь ты меня оскорбляешь!

— Ты похож именно на собаку: сентиментален, привязчив, мнителен, субъективен.

Это последнее слово — субъективен — как-то особенно задело

меня, хотя оно не было таким обидным, как другие, по крайней мере в общепринятом смысле. Я сказал с некоторым кокетством:

— Субъективен? А почему бы и нет? Все мы субъективны. Ты тоже. Что в этом плохого?

— Ничего. И это правда, что все мы субъективны. Только некоторые знают это и иногда стараются быть объективными. Другие же не отдают себе в этом отчета и поэтому всегда субъективны. Ты принадлежишь ко второй категории.

И надо же такое придумать! Точно так же, как минуту назад мне не понравилось сравнение с собакой, теперь мне было противно слово «субъективный».

— А ты, значит, объективен?

— Разумеется.

— Тогда что ты называешь «быть субъективным»? — со злостью сказал я.

— Это когда человек принимает собственные ощущения за реальность. В общем это значит заблуждаться.

Совсем никуда не годится! На какой-то момент я замолчал, думая о том, что он сказал. Итак, я собака и я субъективен. Он — кошка и к тому же объективен. Внезапно у меня появилась надежда: ведь субъективность не такой уж непоправимый недостаток. Гораздо хуже быть собакой. Собака ни в коем случае не может стать кошкой, но переход от субъективности к объективности, вероятно, возможен.

— Ты, как всегда, прав, — сказал я несколько заискивающим тоном. — Хорошо, пусть я субъективен. Но что, по-твоему, я должен сделать, чтобы стать объективным?

Самым слабым местом Серафино было тщеславие. Тщеславие у интеллектуала —

рассказ АЛЬБЕРТО МОРАВИА

вполне закономерное явление: ум — единственная область, где он может рассчитывать на первенство. Он и вправду был польщен.

— Это очень просто.

— А именно?

— Достаточно научиться сдерживать свои чувства, то есть свою субъективность, и признать, что вещи существуют сами по себе, независимо от нас. С того момента, когда вещи становятся вещами, и только, мы начинаем узнавать их по-настоящему. То есть становимся объективными.

— Приведи какой-нибудь пример.

— Ну, возьмем, к примеру, нас с тобой. Допустим, что я вещь, то есть объект. Тебе не удается узнать меня по-настоящему, потому что ты свое представление обо мне путаешь с тем, что я есть на самом деле. Ты страдаешь не из-за меня, а из-за того образа, который ты создал вместо меня. Попробуй освободиться от этого образа, то есть от чувств, которые ты испытываешь ко мне, и увидишь, что не будешь больше страдать, не будешь больше в проигрыше.

Он улыбался снисходительно, с легкой издевкой, довольный собой. Он был настолько уверен в своей власти надо мной, что даже не считал нужным скрывать свои слабые места. И тут я вдруг понял, что он в моих руках. Да, он попался! Он сам указал мне средство, которым я мог уничтожить его. Дальше все было просто. Я закрыл глаза и представил себе, что рублю топором веревки, которые привязывали меня к Серафино, мои чувства к нему. Я чувствовал, как одна за другой, перерубленные, падали эти веревки и как постепенно я освобождался от пут. Наконец я почувствовал себя совершенно свободным. Мне стало легко, но как-то совестно. Я открыл глаза.

За спиной Серафино в глубине помещения была витрина бара. До пасхи оставалось несколько дней, и в витрине лежали пасхальные яйца, большие и маленькие, завернутые в разноцветную фольгу или покрытые шоколадом с сахарной росписью. К каждому яйцу был прикреплен ярлычок с ценой, белый с черными цифрами. Бар находился в тени, и неоновый свет горел целый день. Мертвенный и сильный, этот свет прижимал лицо Серафино к витрине с яйцами, как бы толкал его в их ряд, так что его круглое лицо напоминало одно из яиц. Внезапно я подумал, что и в самом деле последовал его совету; отставил в сторону чувства, которые испытывал к нему, и впервые увидел его как вещь среди других вещей. То есть как яйцо среди других яиц, со своим ярлычком, со своей ценой и даже, наверное, как это обычно бывает в пасхальных яйцах, со своим сюрпризом внутри, то есть с какой-нибудь маленькой висюлькой из позолоченной жести или другой ничтожной безделушкой. Так сильно было это впечатление, что мне захотелось встать, подойти к кассирше и сказать: «Я хочу купить вон то яйцо. Сколько оно стоит?»

Потом я и в самом деле встал, но не пошел к кассирше, а направился к двери. У порога обернулся и посмотрел на Серафино. Он сидел как раз напротив, там, в глубине зала, яйцо среди других яиц. Мы пристально поглядели друг на друга, и я увидел, что он все понял и теперь, в свою очередь, страдает оттого, что я вижу его таким, каким он долгое время видел меня: вещью среди других вещей. Я сделал прощальный жест и вышел.

Перевел с итальянского Е. БЕРНАРДИНИ

Рис. А. Дуданова

ТАЙНЫ МАКАО

Тугими спинами волны толкались в днище, и катер, вскидываясь, без конца услужливо кланялся берегу.

Было поздно и рано, час, когда бессонному глазу все — обшарпанный катер, смутный берег, хвост джонок за кормой — представлялось нереальным и полным тайн. Чьи эти джонки? Кто в них? Здесь, в водах, принадлежащих всем и никому, в этих лодках со скошенным, как акулий плавник, парусом, могут оказаться и контрабандисты с набором паспортов в кармане, и беженцы, и даже пираты. В прошлом году летом одна такая вертлявая лодчонка выскочила под нос голландскому судну. Чтобы не разрезать ее, застопорили мотор. На палубу в мгновение ока вскарабкались человек пятнадцать и под дулами автоматов обобрали пассажиров, команду, перетряхнули груз и исчезли...

Из-за горизонта поднялось мглистое солнце. Стал виден город, выгнутый серпом на левой стороне устья.

На карте Макао выглядит мошкой, присосавшейся к брюху Китая. Каких-то 15 квадратных километров португальской территории и 400 тысяч жителей, 98 процентов — китайцы. Четыре столетия уже эта мошка щекочет брюхо колосса — с того самого дня 1577 года, когда португалец Соуза за мешок серебра получил у императора Китая грамоту на постройку фактории в устье Жемчужной реки — Синьцзян.

На пристани китайцы-полицейские в хрустящих португальских мундирах (чем меньше страна, тем больше галунов и пуговиц) безошибочно сортируют пассажиров: европейцы проходят без формальностей, для прочих — придирчивый осмотр.

Макао начинается на воде. Тысячи сампанов — плюгавых лодчонок, крытых рисовой соломой, стоят у берега, прижавшись бок о бок. Между ними улицы-проливы с коростой из шелухи и листьев. Это особый мир, где повизгивание голых ребятишек, прыгающих с борта на борт, смешано с запахом табака и нечистот, а пронзительная перебранка женщин — со скрипом рассыхающихся досок. Тут можно провести жизнь, так и не ступив ни разу на сушу; даже похоронят тебя в море. Земли не хватает и для живых.

Португальцы строили свою жизнь в колониях по пиренейскому образу и подобию. На индийском побережье принадлежавшие им Гоа, Диу и Даман казались родными братьями — везде одинаковая атмосфера португальского захолустья. Кривые улочки, мощенные булыжником, глухие белые фасады, на каменной террасе бренчат на гитаре «фадос» под белым тентом кафе. Не будь китайских лиц вокруг и иероглифов на вывесках, можно подумать, что ты где-нибудь в Опорто или Коимбре.

Сумерки неузнаваемо меняют Макао. Из захолустного португальского городка он превращается в подобие Лас-Вегаса. Отовсюду несется сухой стук костяшек маджонга. На набережной полыхает огнями небоскреб из бетона и стекла. Это верхний круг игорного ада.

Первый этаж занимает огромный холл, отделанный под мрамор. На втором этаже анфилада небольших, но высоких залов, задрапированных версальскими гобеленами таиландской выделки. Напряженная тишина, как в операционной, где под внешней безликостью скрывается чудовищное напряжение. На втором этаже — рулетка, выше — баккара, на следующих этажах — шмен-де-фер, кости, китайское лото — весь ассортимент азартных способов освобождать человека от денег.

Зеркалом души в игорном доме становятся уже не глаза, не лицо — ими не так уж трудно научиться управлять, а руки. Руки на красном кругу рулетки, руки на зеленом сукне карточных столов, молодые холеные руки с длинными пальцами и морщинистые руки старух, охваченные браслетами. Они подрагивают и судорожно елозят по пустому месту, где только что лежала пачка денег. Здесь деньги такие близкие, стоит лишь сделать одно движение — поставить «тот» номер или вытянуть «ту» карту... Но крупье с маникюром ловко загребает лопаточкой фишки.

Еще выше — царство лотерейных автоматов. В щелку элегантного ящика, похожего одновременно на сейф и на кружку для милостыни в ультрасовременных церквах, опускают одну за другой монеты, неотрывно глядя на меняющееся, но всегда таинственное сочетание цифр. При определенной комбинации — никто не знает какой — автомат должен сработать, и все содержимое золотым дождем осыплет счастливчика. Нужно только терпение. И побольше монет. Совсем наверху — притененный танцзал, интимно наигрывает джаз, приветливо улыбаются китаяночки в длинных платьях с разрезами до бедер. Они потанцуют с клиентом, выпьют у оцинкованной стойки сухого мартини, тактично не станут задавать вопросов. Они ломано говорят на шести-семи языках — набор утешений ведь не так уж обширен.

Это ад высшего разряда. Сюда вход без смокинга воспрещен. Но есть и другой ад.

В порту воздух наполнен сладковатым запахом гниющего чеснока и тухлой рыбы. Темнота. Светятся лишь окна игорных домов. Двери широко распахнуты.

Под потолком висят плотные слои дыма. Низенький столик, вокруг которого сидят, скрестив на полу тощие ноги, грузчики-кули. На циновке возле каждого — столбик монет. И тишина, та же пудовая тишина, что и во дворце азарта. Банкомет в бумазейной кофте трясет в затейливой чашечке кости, затем опрокидывает ее на стол, ждет еще секунду — может, кто захочет поставить — и, наконец, осторожно снимает ее.

В порту играют только в кости. Считается, что в них труднее всего смошенничать. Но рассказывают, что есть один китаец, которому платят за то, чтобы он не играл: ухо у него настолько тонкое, что он улавливает по стуку кости, на какую сторону та упала. Невероятно!

Макао — единственное место на Дальнем Востоке, где не введено никаких ограничений на азартные игры. Каждую субботу сюда из Гонконга катера привозят несколько тысяч человек. Они спускают здесь все до нитки, поэтому предусмотрительно берут обратные билеты.

Вот и последний круг ада.

У берега покачивается плавучий «Казино-палас». Свое западное название он с лихвой окупает стилизацией в псевдокитайском духе: драконы по углам, бумажные фонарики. Сюда для входа не нужен смокинг, нужно лишь разжать ладонь и показать деньги. Гостей внимательно осматривают: клиенты частенько пытаются вернуть проигрыш, аргументируя просьбу автоматическими пистолетами.

А напротив «Казино-паласа» адово кольцо замыкается неосвещенной улочкой. На углу светится название — «улица Счастья». Нет ни одного матроса от Сингапура до Осаки, который бы не слышал о ней.

Осыпавшиеся фасады, будто лица прокаженных, глядят на вонючую мостовую. Вдоль тротуара, почти шеренгой, стоят женщины. Каждая на своем участке. Не зазывают, не тянут за рукав, просто стоят и ждут. В темноте не видны их лица, да они и не стремятся их показывать...

Кособоко стоят деревянные лачуги. Курильни. Сквозь щели видны лежащие на правом боку люди, головы у всех опущены на ладони, ноги поджаты. Изможденные лица с восковыми щеками. Здесь, в лачуге, витает сладостный мираж, который потом черными кругами ложится под глазами. Сюда приходят еще и еще. До тех пор, пока есть деньги. А когда нет — мираж толкает достать их, добыть, украсть.

Раньше из Китая доставляли опиум, теперь же — готовый героин. В Юньнаньском районе (несколько провинций на границе Бирмы, Лаоса и Таиланда) разбиты гигантские плантации опийного мака. Это главный поставщик опиума на мировом рынке.

Героин поступает из Гонконга. Что-то вроде легальной контрабанды. Наркотики проходят через таможню, но там делают вид, что это вовсе не наркотики, а табак.

Еще до недавнего времени путь превращения опиума в героин был долог и попахивал детективным романом. Из Макао его доставляли на Средний Восток, оттуда в Европу, в основном в Марсель, Неаполь или Сицилию. Здесь, во французских и итальянских подпольных лабораториях, морфий-сырец превращали в героин, расфасовывали и лишь затем отправляли в Соединенные Штаты — самому крупному потребителю этого товара. Кружным путем, разумеется, через Латинскую Америку и Канаду. К концу пути он стоил уже в двести, а то и в триста раз больше. Вся разница от продажи прилипала к рукам сотен посредников. Много было и риску. Теперь из него готовят морфий-сырец, который перевозят в брикетах, или готовый героин.

Второй объект контрабанды — золото. Недавно разразился грандиозный скандал: на рейде в Калькутте на одном нейтральном корабле индийские таможенники нашли 700 тысяч золотых долларов. Португалия до сих пор не подписала конвенции об ограничении ввоза и вывоза золота. Подпольные бизнесмены покупают его в Лондоне или в Швейцарии по существующему курсу и везут в Макао. Здесь бруски превращают в проволоку — для удобства транспортировки и продают на «черном рынке» по спекулятивной цене на всем Дальнем Востоке.

А как себя чувствует при всем этом полиция? Полиция все видит, но предпочитает не вмешиваться: город имеет солидный доход от ввоза. Ну, а полицейское начальство между тем покупает себе «кадиллаки» и яхты...

М. КРАТОВ

МАСТЕРА ВЕСЕЛОГО ЦЕХА

Тибор Кайан (Венгрия) — карикатурист с мировой известностью. Его юмор полон скрытой символики и «ловушек». Для своих рисунков он выбирает не специфически венгерские, а общечеловеческие темы. Поистине необъятна фантазия в его «Караване». Мы приводим лишь несколько из его 56 вариаций на тему о том, как можно рационально использовать двугорбого верблюда.

Зимой и летом

СПОРТИВНАЯ ШАПОЧКА

Материал: 100 г шерсти и вязальный крючок № 5.

Плотность вязки соблюдать обязательно: 12 петель в ширину и 12 рядов в высоту равно 10 см.

Образец вязки «снопики»: связать цепочку из воздушных петель, ввести крючок в петлю, подхватить и вытянуть на 1 см рабочую нитку, сделать накид, ввести крючок в ту же петлю, снова подхватить и вытянуть нитку на 1 см и провязать вместе все 4 петли, лежащие на крючке, 1 воздушная петля.

Головка шапочки. Связать цепочку из трех петель и заключить ее в круг, затем вязать.

1-й круг: воздушная петля, провязать в колечке 6 столбиков без накида и заключить в круг. 2-й круг: 2 воздушные петли, затем вязать, чередуя по кругу в одном столбике 2 столбика с накидом, в другом — 3 столбика с накидом. 3-й круг: «снопики» между столбиками с накидом; в этом и следующих кругах последний «снопик» провязывать в начальной воздушной петле предыдущего ряда. 4-й круг: вязать «снопики» между «снопиками» предыдущего ряда. 5-й круг:* 2 раза по «снопику» между «снопиками» и раз «снопик» в «снопике» предыдущего ряда. Повторять от*. 6-й круг: 3 раза по «снопику» между «снопиками» и 1 раз в каждом третьем «снопике». 7-й круг: как 6-й. С 8-го по 17-й круг: вязать без прибавлений по «снопику» между «снопиками» предыдущего ряда. 18-й круг: по столбику без накида между «снопиками» и в каждом «снопике» предыдущего ряда. Закрепить нитку на изнанке.

Козырек. С низу передней части головки шапочки отсчитать 17 петель и на них вязать козырек, чередуя в одной петле один, а в другой — 2 столбика без накида. Вязать 4 ряда только по лицу работы, протягивая в конце ряда рабочую нитку снова к началу ряда и провязывая ее вместе с основной ниткой. Петлю, оставшуюся в конце ряда непровязанной, провязывать в следующем ряду. С обеих сторон козырька в каждом ряду провязывать на столбик больше, чем в предыдущем, после чего оборвать и закрепить нитку.

Пуговка. Связать цепочку из 4 воздушных петель и заключить ее в круг. Затем вязать:

1-й круг: воздушная петля, 8 столбиков без накида в колечке.

2-й круг: 2 воздушные петли, затем в каждом столбике по «снопику».

3-й круг: 2 воздушные петли, затем по «снопику» между «снопиками» предыдущего ряда. Последние петли затянуть рабочей ниткой и прикрепить готовую пуговку на макушку шапочки.

М. ГАЙ-ГУЛИНА

ШЛЯПКА ДЛЯ ЛЕТНЕГО КОСТЮМА

Материал: 12 мотков сутажа, 1 м репсовой ленты в 2 см шириной, крючок.

Начало шляпки — середина дна. Наберите 3 воздушные петли и, заключив в круг, вяжите.

1-й круг: ввязывайте в каждую петлю 2 столбика без накида (всего 6 столбиков). 2-й круг: так же удваивайте число петель (12 столбиков без накида). 3-й круг: в каждую вторую петлю 2 столбика без накида (всего 18).

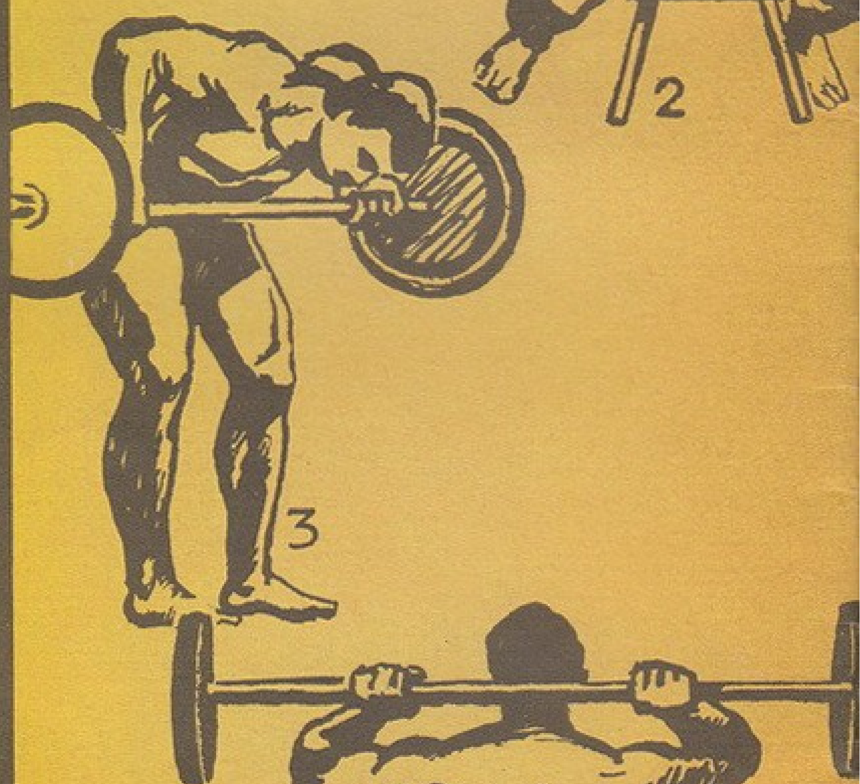
4-й круг: в 2 петли ввязывайте по одному столбику, а в третью 2 (всего 24). 5-й круг: в 3 петли ввязывайте по одному столбику без накида, а в 4-ю 2 (всего 30 плотных петель).

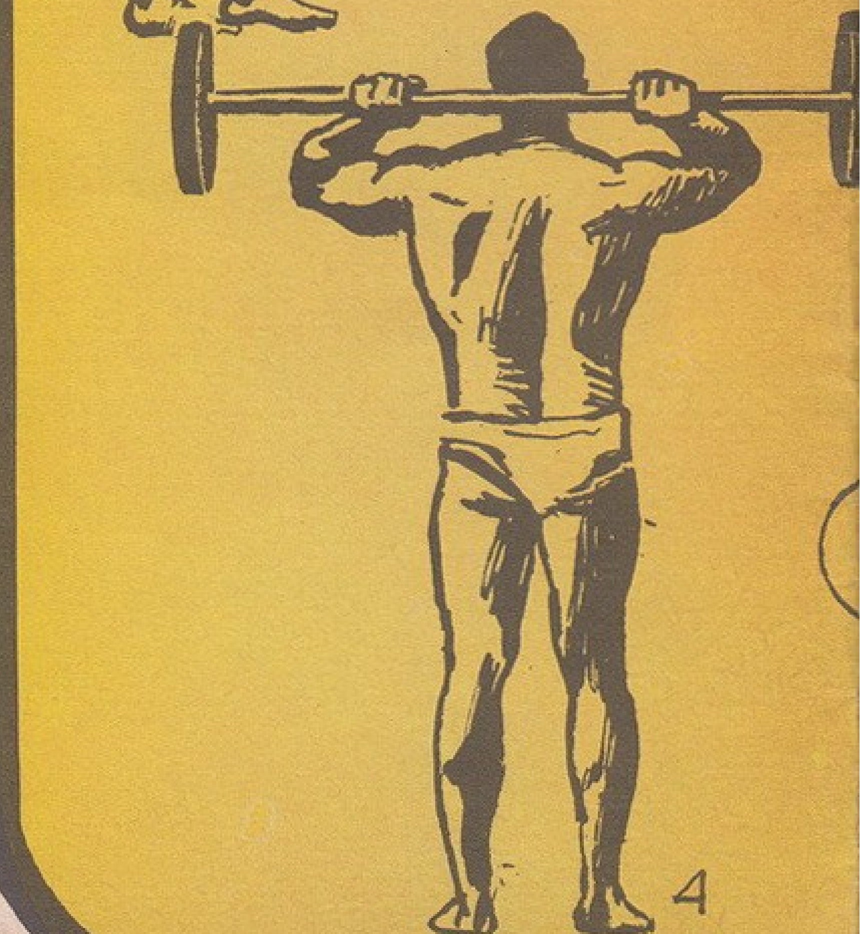
Начиная с 6-го и до 10-го круга вяжите, прибавляя над предыдущими надбавками так, чтобы каждый круг увеличивался на 6 петель (в 10-м кругу будет 50 столбиков без накида). 11-й и 12-й круги вяжите без надбавки. 13-й круг: вяжите столбики с накидом, добавив по всему кругу 20 столбиков (всего 80). С 14-го круга начинайте ободок шляпки. Вяжите с 14-го круга по 22-й рельефными столбиками: 1 накид, затем обхватывайте столбик предыдущего круга, вкалывая крючок справа и выводя его слева. Подхватывайте рабочую нить, тяните крючок обратно, подтягивайте 3 петли, находящиеся на крючке, до высоты столбика с накидом (рядом) и провязывайте все 3 петли вместе. Далее ввяжите столбик с накидом в очередное ушко. Затем опять рельефный столбик. Так до конца круга. Все последующие рельефные столбики вяжите над рельефными столбиками предыдущего круга, обводя их крючком, а над столбиками с накидом — столбики с накидом. Из ленты складываем бант и пришиваем его.

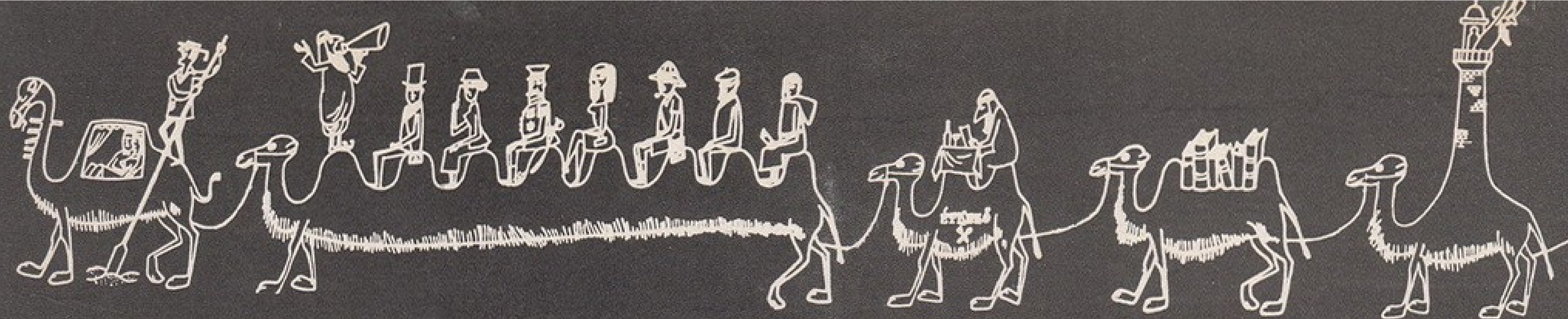
А. МАНТЕЙФЕЛЬ

ШКОЛА МОЛ

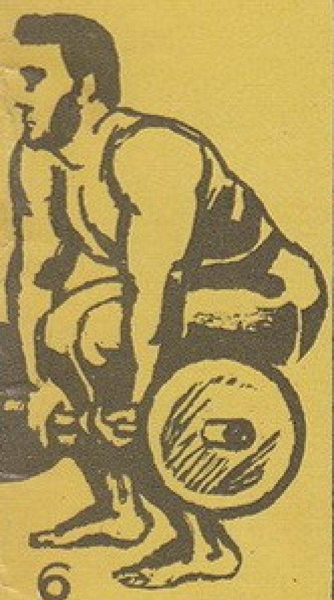

ОДОГО АТЛЕТА

КАК УКРЕПИТЬ МЫШЦЫ

Этот комплекс упражнений — основной в тренировке атлета. Выполнять его следует 3 раза в неделю, каждое упражнение в 4 подхода. Отдых между подходами 2 минуты. Если на первом занятии вы подтянули штангу в 30 кг, по 6 раз во все подходы, на втором берите снаряд весом 32,5 кг и делайте в 1-м подходе 6 повторений, во 2-м — 4—5, в 3-м — 3—4, в 4-м — 3—2. Продолжайте работать с весом 32,5 кг, пока в 4-м подходе не сделаете 6 повторений. Это основной принцип комплекса. В 1-м и 6-м упражнениях для предупреждения травмы следует пользоваться плотным широким поясом (тяжелоатлетическим).

1. Полуприседание. Для мышц бедра. Присядьте, коснувшись скамьи или стула, и, не садясь, поднимитесь. Приседая — вдох, выпрямляясь — выдох.

2. Жим лежа на спине. Для мышц груди, рук, спины. 6 повторений, 4 подхода. Лежа на скамье, возьмите штангу на грудь. Разгибайте и сгибайте руки. Опускать вес на грудь следует медленно. Выполняйте упражнение без пауз.

3. Тяга в наклоне или «гребля». 5 подходов по 5 повторений. Наклонившись вперед до горизонтального положения туловища, возьмите штангу хватом сверху. Поднимайте ее без рывков до уровня груди и медленно опускайте.

4. Жим сзади. Для мышц предплечий и плечевого пояса. 4 подхода по 6 повторений. Сядьте и возьмите штангу на плечи (см. рис. 4). Выжимая штангу — вдох, опуская — выдох.

5. Поднимание штанги на бицепсы. 4 подхода по 6 повторений. Допускается наклон туловища, чтобы взять бóльший вес.

6. Тяга. Для мышц поясницы, рук, бедра и др. Наклонитесь, возьмите штангу одной ладонью снизу, другой сверху. Выпрямитесь, держа штангу на прямых руках.

После занятий проделайте упражнения на гибкость и расслабление, можно на перекладине.

В. ПЕТРОВ

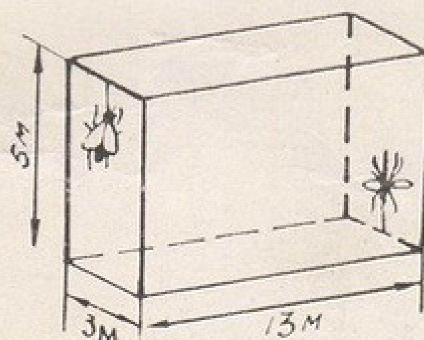
ЗАДАЧА № 1

Перед вами две колонки чисел. Сложите их. Какая сумма будет больше — в правой или левой колонке?

987654321	123456789
87654321	12345678
7654321	1234567
654321	123456
54321	12345
4321	1234
321	123
21	12
1	1

ЗАДАЧА № 2

В комнате размером 3×5×13 м посредине противоположных торцовых стен на метр от потолка и на метр от пола сидят комар и муха. Комар стал ползти по направлению к мухе. Какой кратчайший путь он изберет?

ЗАДАЧА № 3

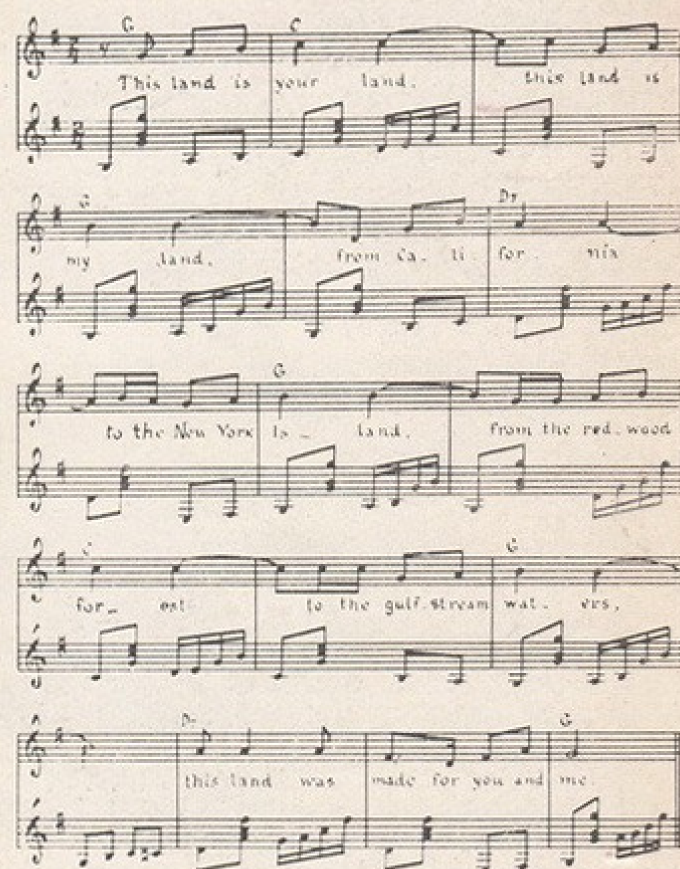
Средний возраст одиннадцати игроков футбольной команды «Заря» — 22 года. Во время матча один получил повреждение и покинул поле. После этого средний возраст оставшихся оказался равен 21 году. Сколько лет игроку, покинувшему поле?

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ШТМ ИЗ № 11, 1968 г.

1. 2, 2 и 2.
2. Если бы профессор умер во сне, он не мог бы рассказать свой сон.

ЭТО ТВОЙ КРАЙ

Жизнь и творчество Вудро Вильсона Гатри, умершего в 1967 году, — предмет изучения фольклористов и социологов. Им написано свыше 1000 песен-баллад. Поэт тридцатых годов, он, несмотря на полную лишений жизнь, так до конца дней своих и не поддался коммерческим соблазнам. Большинство песен Гатри сочинил во время длительных странствий, которые очень любил. Так была написана и песня «Это твой край», ставшая гимном патриотов Америки. Ее с одинаковым подъемом поют белые и черные. Она исполняется на каждом митинге протеста против американской агрессии во Вьетнаме. Мы даем песню с гитарным аккомпанементом, принадлежащим самому автору.

1. As I went walking that ribbon of highway,
I saw above me that endless skyway,
I saw below me that golden valley,
This land was made for you and me.

Припев (хором) — на нотах.

2. I roamed and rambled, and I followed my footsteps,
To the sparkling sands of her diamond deserts,
All round me a voice was sounding,
This land was made for you and me.

3. When the sun come shining, then I was strolling,
And the wheat fields waving, and the dust clouds rolling,
A voice was chanting as the fog was lifting,
This land was made for you and me.

Главный редактор Г. А. КАШОЯН.
Редакционная коллегия: М. А. ДРОБЫШЕВ, И. С. ЗЕНУШКИНА, И. Т. КОМОВ, Д. М. ПРОШУНИНА, А. В. ФЕДОТОВ (зам. главного редактора), А. Н. ФИЛАТОВ (ответственный секретарь).

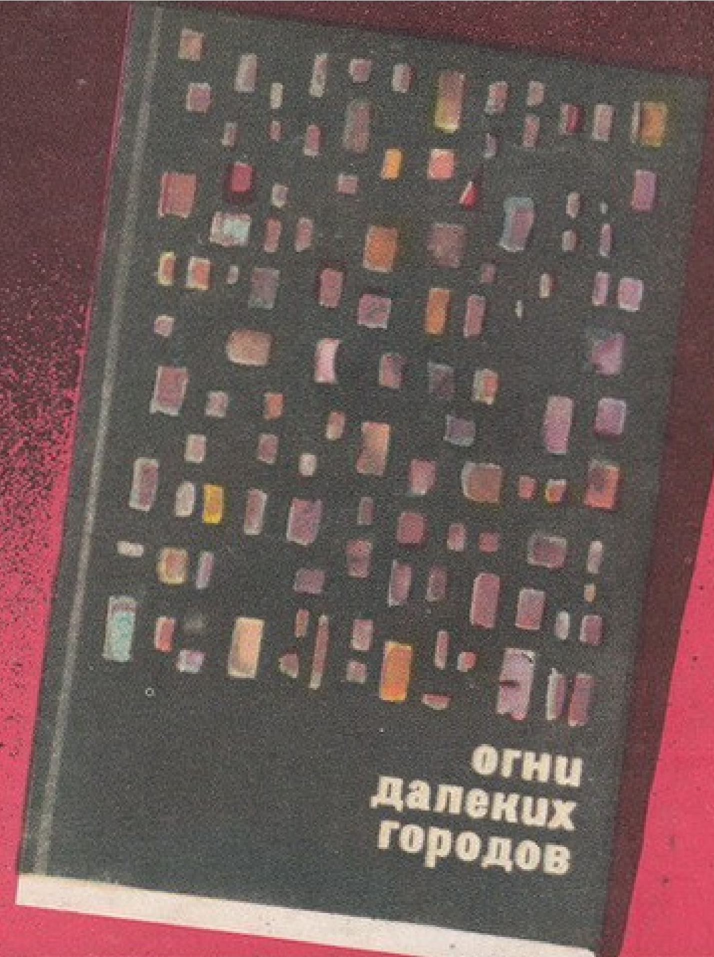
Худож. редактор О. С. Овчинникова.
Техн. редактор Г. Е. Петровская.

Адрес редакции: Москва, К-104, Спиридоньевский пер., 5.
Телефон 290-36-55.
Рукописи не возвращаются. Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на журнал.

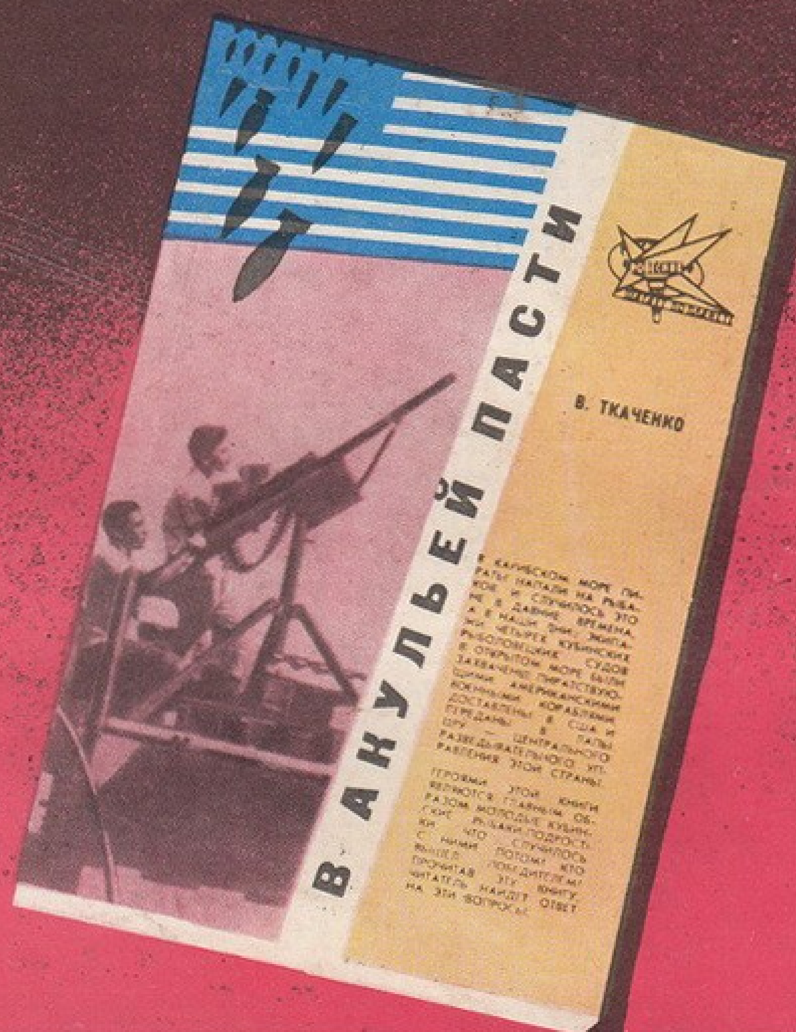
Сдано в набор 18/XII 1968 г. Подп. к печ. 24/I 1969 г. А01019.
Формат 60×90¹/₈. Печ. л. 3 (усл. 3). Уч.-изд. л. 5,2. Тираж 500 000 экз.
Цена 20 коп. Заказ 2622.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», Москва, А-30, Сущевская, 21.

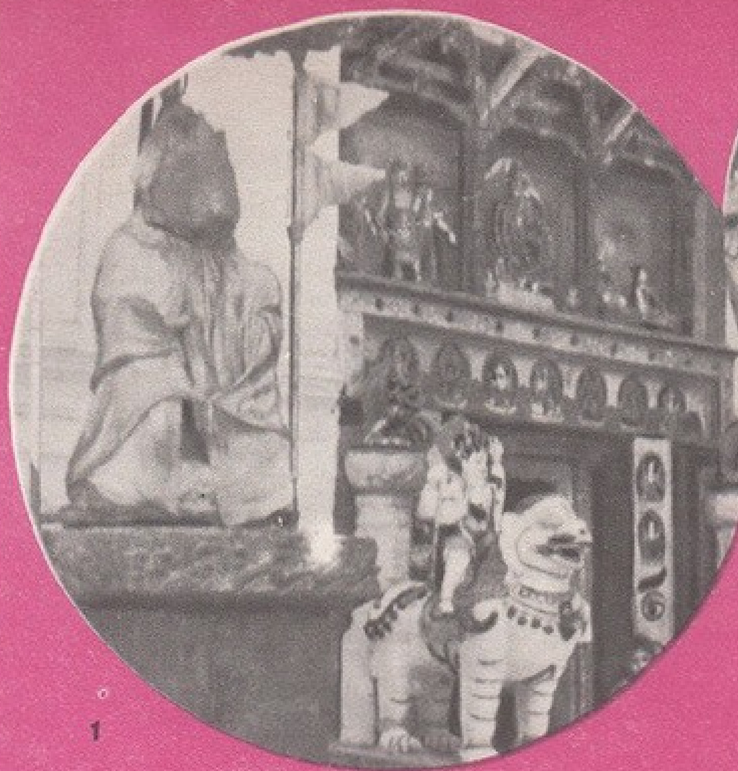
Индекс 70781 Цена 20 коп.

НЕТТ

олубой»...
а Святого
небе ан-
ры были
участника-
нглийской
наме» воз-
ею с ис-
ров для
Джанетт
вступила
ьетнаме»,
ия своих
выпущен-
а открыт-
тника ло-
ися тому,
симальное
ский жи-
ший свою
в Южной
Симоне.
зей Вьет-
а обрести

Х

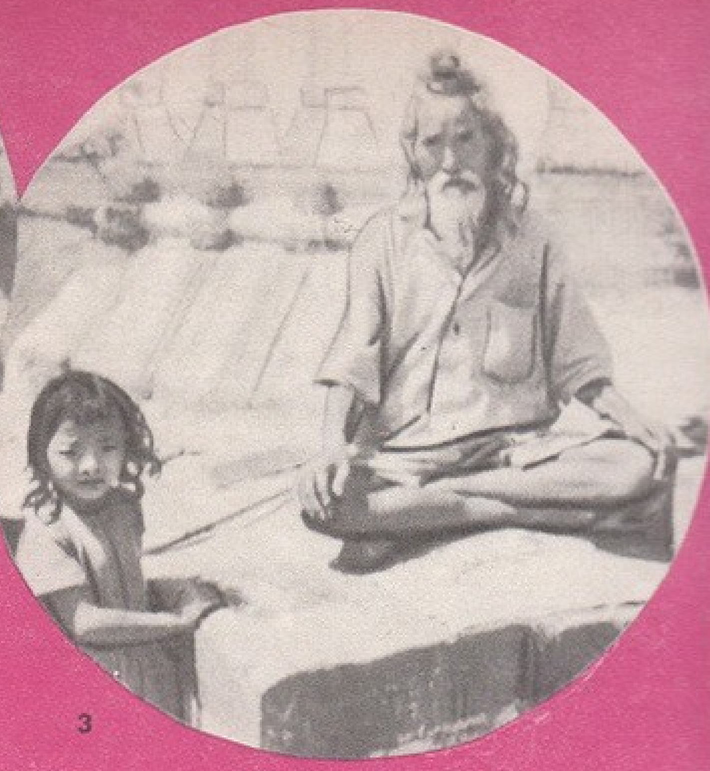
ть на ста-
ых подчас
иная кар-
значение
и «Глазго
и, но зре-
игидой ка-
е у колы-
в пользу
, но каж-
приходят
трибуну и
«рабочим
манда до-
кую родо-
змахивать
название
юзное со-
дников, фа-
в «термо-
ыключают-
забывают
ят, чтобы
ь, «святая»
Драка на
йствия) —
ионе «Иб-
бесполез-
и устрем-
атление и
абы пота-
ать всего
Селтиком»
последней
ием этих
оду пошли
тных пла-
разрабо-
о обузда-
в потасо-
в конце
частников
аки были

1

2

3

Эти снимки сделаны в столице Непала Катманду. Живое средневековье смотрит здесь на тебя из-за каждого угла.

На площади Хануман-дхока, окруженной тьмою-тьмущей древних храмов, сидит на пьедестале сам Хануман — «обезьяний бог» индуистов (снимок 1). На нем маска, необходимая мера предосторожности: по преданию, лицо Ханумана столь ужасно, что всякий, кто увидит его, немедленно погибнет.

Не часто бывает, чтобы две религии уживались друг с другом. Но вот буддизм и индуизм в Непале ужились. Индуизм даже поделился частью своих богов. Вот, например, Кала-Бхаирава (снимок 2). Этот малосимпатичный бог — одно из олицетворений Шивы-разрушителя, главной фигуры в пантеоне непальских индуистов. Но его почитают и невары, потомки коренных жителей долины Катманду, которые в большинстве своем исповедуют буддизм.

Красочная фигура индуистского полусвятого-полунищего «риши» (снимок 3) неотделима от вида непальских улиц.

В центре города, где велорикши ждут клиентов, разместились небольшие кумирни, каменные фигурки богов и демонов (снимок 4).

По случаю Гая-джантры, «дня спасения душ умерших», происходит массовое омовение в священном пруду индуистского храма в Патане (снимок 5). Такой плотности купающихся не бывает и в «бархатный сезон» на ялтинском пляже.

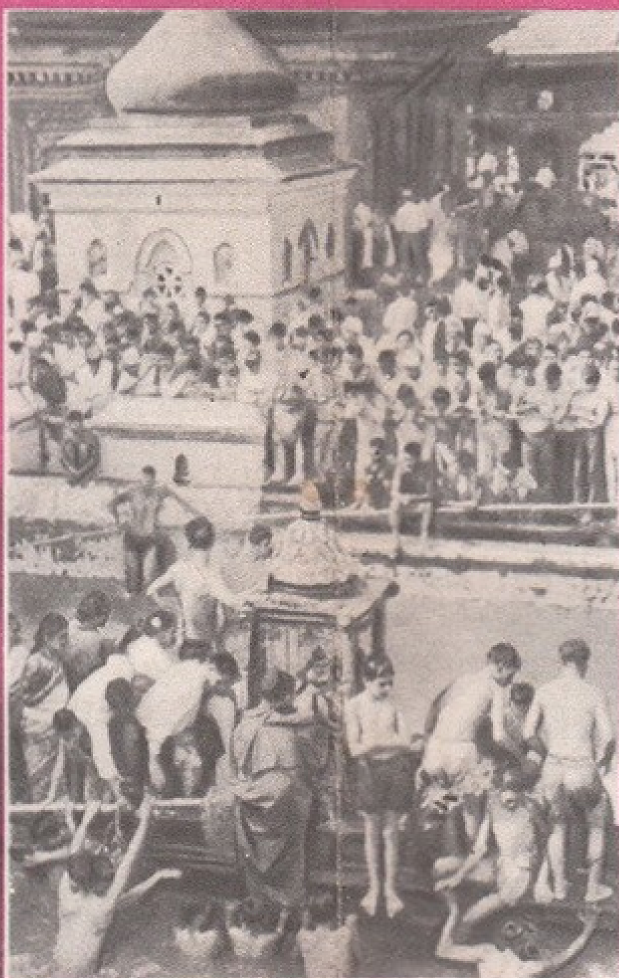
А вот еще одна уличная сценка: под палящими лучами солнца буддийские монахи проводят нечто вроде семинара (снимок 6).

М. ДРОБЫШЕВ

Катманду — Москва

4

5

6

ГРУСТНАЯ АРИФМЕТИКА

Журнал „Квик" (ФРГ)

«Близится крах наших школ», — заявил педагог Гайпригс из Хильдесхайма, а вице-канцлер Вилли Брандт предупредил, что опасается бунта родителей. Перечислять огрехи западногерманской образовательной системы можно без конца. Это «карликовые школы», в которых шестилетние занимаются вместе с пятнадцатилетними.

Классы, где учатся около семидесяти человек.

Школьные здания, построенные еще до 1905 года.

Школьные лаборатории, где нет самого необходимого оборудования. Учебники, переполненные устаревшим материалом. (В них есть даже стишки, напоминающие творчество нацистского поэта Генриха Лерша.)

Что же в итоге! Научно-исследовательский институт изучил преподавание математики в двенадцати странах Европы. ФРГ оказалась на 11-м месте. В Эссене дали решать задачи пяти тысячам школьников. Очень простое задание выполнили только 53 ученика — один процент.

В марте прошлого года перед дверью гимназии в Роденкирхене близ Кёльна больше сотни родителей всю ночь простояли в очереди, чтобы их дети оказались в числе школьников. На 32 места записалось 185 учеников. «Где их разместить, не представляю», — сказал директор Вильгельм Геттинг.

Мы упомянули о «карликовых школах». В стране их 12 тысяч. По мнению баварских врачей, 17 процентов молодежи, кончающей такую школу, недоразвиты. В Федеративной республике дотягивают до аттестата только 6,8 процента учащихся.

Полная средняя школа предназначена для высших сословий; неполная — для среднего класса; народная школа, так сказать, для плебеев. Решение о дальнейшем обучении ребенка принимается в десятилетнем возрасте после специальных экзаменов. Такая система лишает возможности получить высшее образование большинство способных детей из рабочих и крестьянских семей.